

ЭМ. КАЗАКЕВИЧ

ПО СТРАНИЦАМ НЕЗАБЫТОГО НАСЛЕДИЯ

1913—2013

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

ПО СТРАНИЦАМ НЕЗАБЫТОГО НАСЛЕДИЯ

Под общей редакцией
д.филол.н., профессора П. Н. Толстогузова

Биробиджан
ПГУ им. Шолом-Алейхема
2013

УДК 821.161.1 Р
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6-8
К14

Редакционная коллегия

П. Н. Толстогузов (председатель, Россия)
В. И. Антонов (зам. председателя, Россия)
С. Н. Друковская (Россия)
Л. Э. Казакевич (Израиль)

Литературный редактор — **П. Н. Толстогузов**

Эммануил Казакевич: по страницам незабытого наследия / Под
К14 общ. ред. П.Н. Толстогузова. — Биробиджан: Изд-во ПГУ им. Шолом-
Алейхема, 2013. — 128 с.
ISBN 978-5-8170-0206-5

Книга представляет собой сборник материалов, посвящённых юбилею выдающегося русского и еврейского писателя Эммануила Генриховича Казакевича: 100-летию со дня рождения (1913—2013). Она содержит литературоведческие и мемуарные эссе, газетные материалы разных лет, документоведческие и библиографические материалы, а также оригинальный текст и переводы стихотворения Эм. Казакевича «Корейская новелла». Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1 Р
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6-8

Содержание

От редактора	
ВОЛЬНЫЙ И УМНЫЙ ТАЛАНТ	4
Лариса Казакевич	
БИРОБИДЖАНСКАЯ САГА КАЗАКЕВИЧА	10
Фёдор Кашевский	
КОМАНДИРОВКА С КАЗАКЕВИЧЕМ	24
Виктор Соломатов	
«ОН БЫЛ, А НЕ КАЗАЛСЯ»	27
Бер (Борис) Котлерман, Виктор Антонов	
КАЗАКЕВИЧ В БИРОБИДЖАНЕ	31
Бер (Борис) Котлерман	
КАЗАКЕВИЧ-ДРАМАТУРГ	37
Шуламит Шалит	
«АДМИРАЛ ОКЕАНА» (ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ И ЕГО ПЬЕСА О КОЛУМБЕ)	46
Светлана Скворцова	
ДОКУМЕНТЫ ЭММАНУИЛА ГЕНРИХОВИЧА КАЗАКЕВИЧА В ФОНДАХ ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	72
Людмила Скопенко, Алла Епифанцева	
ЭММАНИУЛ КАЗАКЕВИЧ: БИБЛИОГРАФИЯ БИРОБИДЖАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА	81
Виктор Антонов	
ПОЭТ С УМОМ ФИЗИКА	88
Виктор Антонов	
ЕВРЕЙСКИЕ КОРНИ «КОРЕЙСКОЙ НОВЕЛЛЫ» ЭММАНУИЛА КАЗАКЕВИЧА	100
Эммануил Казакевич	
КОРЕЙСКАЯ НОВЕЛЛА	110
Семён Бытовой	
ОЖИДАНИЕ	122
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	124

От редактора

ВОЛЬНЫЙ И УМНЫЙ ТАЛАНТ

Жизнь и судьба Эммануила Казакевича вполне необычны. Про него говорили: выжил там, где было трудно, почти невозможно выжить, и умер тогда, когда жизнь, казалось бы, обещала ещё как минимум два десятка лет творческой работы и относительного благополучия. Впрочем, это праздные подсчёты. Гораздо интереснее отношение между жизнью и судьбой в этом случае.

Этих отношений в целом немного, всего три. В первом из них из жизни, из её неторопливого и как бы расплывающегося во все доступные стороны движения судьба так и не оформляется. (Задним числом можно придать форму судьбы и такой жизни, но это будет форма внешнего авторского усилия: жизнь здесь не будет принадлежать судьбе, а судьба — жизни.) Другое отношение получается тогда, когда судьба властно кладёт свой отпечаток на мягкую плоть жизни, и чем слабее жизнь, тем очевиднее след тавра. Третье отношение определяется равенством жизни и судьбы. Здесь жизнь с поднятой головой идёт навстречу судьбе и становится её полноправным соавтором. В таких случаях биография является неоспоримой частью творческого наследия. Эти случаи редки, и жизнь Казакевича, на мой взгляд, выражает это, третье, отношение.

Когда пишешь о человеке, с которым не был знаком лично, то подбираешь чьи-то формирующие слова, которые почему-либо тебе понравились. Из этих слов в итоге получается твой собственный набросок человека. Моя подборка слов об Эммануиле Казакевиче и его творчестве выглядит так: «он умеет задумываться» (слова отца, Генриха Львовича Казакевича),

«вольный и умный талант» (В. А. Каверин), «умная душевность» (А. В. Эфрос), «сверкающий человек» (К. Г. Паустовский), «он владел секретом лёгкой беседы» (опять Каверин), «он был прирождённым разведчиком» (Ф. Ф. Волоцкий), «дерзкий и независимый ум» (Э. В. Кардин), «особой сложности обстоятельство литературной биографии» (А. Т. Твардовский об идишском периоде творчества Казакевича), «тянет к Колумбу, тянет к Моцарту» (Казакевич о себе во время войны), «он был глубоко и органически музыкален» (Маргарита Алигер), «что-то там есть» (слова Казакевича об опыте умирания, сказанные А. С. Эфрон). Ему была близка, по его собственному признанию, моцартианская «странная смесь лености и необычайного трудолюбия, любви к разгулу и страсти к творчеству, скромности и чудовищного самомнения».

Ключевыми среди этих определений кажутся ум и музыкальность, а также некая пифагорейская связь между ними. Харьков, Биробиджан, Москва, фронт, Москва: каждая из жизненных эпох Казакевича, как линейка в нотном стане, отмечена необходимостью и особым звучанием.

Харьков: ранние литературные опыты, знакомые отца (люди театра и литературы), машиностроительный техникум, подростковая литературная группа «Птичье молоко», так и не придумавшая свой манифест. Биробиджанская линейка гораздо серьезнее. Борис Миллер скажет, увидев приятеля после первого года разлуки: «этот год имел в его жизни едва ли не большее значение, нежели все прожитые до этого годы». Здесь выходит в свет первая книга, «Биробиджанстрой» (1932), здесь Казакевич пробует себя в самых разных видах деятельности: от земледелия до театра. Во всё это он вносил сочетание авантюристичности (иногда прямо бендеровского стиля), сильных организационных импульсов, формирующейся практичности и трудовой романтики (Яков Чернис: «он соединял в себе мальчишескую фантазию и практичность опытного человека»). Комсомольский азарт он принципиально соединяет с пафосом

соглядатая в Ханаане. Это позволяло ему укрепляюще воздействовать на тех, кто нередко был значительно старше и кто поддавался унынию из-за небывалых трудностей освоения.

В Биробиджане появляется семья, дети. Здесь умирают родители. Гораздо позже, незадолго до смерти, он скажет, что Дальний Восток научил его мыслить в «масштабе больших пространств».

Он пробыл в строящемся Биробиджане около 6 лет, с 1931-го по начало 1938-го, и эти годы первостроительства уже давно во мгле эпохи, в чёрно-белой легенде 30-х годов, в желтизне музейных документов. Когда я попросил узнать о возможности получить какой-либо эксклюзивный мемуар от тех биробиджанцев, кто мог знать Казакевича или его отца или хотя бы знать тех, кто знали их, ответом стало задумчивое отрицательное покачивание головой: слишком давно это было...

В это время он писал на идише: стихи, прозу, драмы. После переезда из Биробиджана в Москву он постепенно переходит на русский язык. Во всяком случае, свой задушевный, драматически оборванный войной замысел пьесы о Колумбе («недописанной в буйном цвете», как он скажет в фронтовом письме) он начинает воплощать по-русски. Момент перехода с идиша на русский будут интерпретировать по-разному. Твардовский выразится в том смысле, что «на войне родился выдающийся мастер русской советской прозы, до войны известный лишь как автор стихов и поэм на еврейском языке» (существуют более резкие фольклорные версии этой мысли: на войну ушёл посредственный еврейский поэт, с войны вернулся великолепный русский прозаик; впрочем, вряд ли автор этих слов мог со знанием дела судить о качестве текстов на идише).

Другая точка зрения заключается в том, что Казакевич не смог стать большим еврейским писателем в силу исторических условий: «в его время еврейская муза была обречена» (Шуламит Шалит, «Адмирал океана»). Позволю себе осторожно не согласиться с этим. Во-первых, при всём давлении обстоятельств

в Советском Союзе продолжали работать писатели и поэты. пишущие на идише, издавались журналы и газеты на идише. Во-вторых, Эммануил Казакевич, судя по многим биографическим признакам, был человеком сознательных выборов. Полагаю, что если бы он в 1940-х годах сделал сознательный выбор в сторону идиша, он бы ему следовал. Опыт великой войны требовал общего для всей страны языка, языка со всемирным звучанием. Идиш при всех его культурных достоинствах таким языком не был, и выбор писателя был и остаётся для меня ясным. И не только для меня. Эмиль Владимирович Кардин: «не замечаю ничего сходного с ренегатством. <...> Казакевич отважился на рискованный выбор, надеясь и желая собственное творчество сделать достоянием многих читателей необъятной страны».

Вообще говоря, вторичная национализация Казакевича — дело бессмысленное: он принадлежит поколению, которое двигалось в совершенно иной, уже плохо понятной моим современникам жизненной логике. «Надежда русской прозы», как несколько высокопарно назовёт его Твардовский в одной дарственной надписи, Казакевич не изменял себе ни в своём еврействе, ни в своей принадлежности к русской культуре.

Белобилетник по зрению, он пошёл в ополчение и в октябре 1941 дрался под Москвой, в тех страшных боях, где на одного выжившего приходилось по 10—15 погибших; он был из тех, кто, как говорили свидетели, «сражался во весь рост». И потом, вплоть до последних дней войны, он, разведчик, воевал не за страх, а за совесть, и пережил войну как свой основной, базовый опыт. Из этого опыта возникли все его ключевые тексты и прежде всего его целомудренная «Звезда».

«Звезда» считается наиболее известным и едва ли не лучшим из текстов Казакевича. Наверное, такое мнение в чём-то справедливо, хотя рука писателя здесь не всегда тверда. Но этот особый подъём — «дым, туман, струна звенит в тумане» — и эту особую целомудренную сдержанность (когда всё изображено

подчёркнуто «при свете дня») не спутаешь ни с чем, они здесь есть, ими жива повесть. (Сам писатель позже скажет о своих популярных текстах 40-х: «Нужно твердо усвоить, что “Звезда” и “Двое в степи” хороши только на фоне нынешней литературы, а так это вещи средние, даже, строго говоря, слабые». Время показало, что и «Звезда», и особенно «Двое в степи» выдерживают проверку любого фона. Даже платоновского.) «Звезда» в конечном счёте переросла свой материал и стала символически выражать просветлённую трагедию любого бытия. Последние засвидетельствованные слова Травкина «Я Звезда, слышишь ли ты меня?» могут облечь в истину любое изнемогающее, уходящее в ночь и всё же продолжающее давать свет сознание.

Биография Казакевича складывалась в эпохи Сталина и Хрущёва. Интересно, что при всём несомненном влиянии этих исторических эпох на жизнь Казакевича, как и на любую тогдашнюю жизнь, его биография может быть изложена без особого педалирования этих факторов. Да, он едва не вдохнул полной грудью воздух смерти в 1937—38 годах, да, он был лауреатом Сталинских премий и объектом адресных проработок Хрущёва. Наверняка варианты его судьбы с пристрастием обсуждались в каких-то коридорах в конце 1940 — начале 1950-х. Разумеется, он продумывал природу культа личности и проблему его преодоления. Но степень внутренней независимости писателя была такой, что на нём не осталось слишком отчётливого клейма эпохи, как это произошло с очень многими из его цеха...

В 50-е годы значительным событием его собственной и общенациональной жизни стал эпизод с альманахом «Литературная Москва», который он редактировал и «пробивал» и который был всё же остановлен после второго номера. Это десятилетие новых, перебивающих друг друга замыслов, главным среди которых стала «энциклопедия советской жизни» 20—40-х годов: роман «Новая земля». Он готовит себя к

широкому дыханию эпоса, готовит свою руку и своё сознание к новым навыкам («надо учиться графомании»). Именно в это время он вспоминает о «масштабе больших пространств» и, возможно, о тех ранних попытках эпоса, которые когда-то были рождены дальневосточными впечатлениями (роман в стихах «Шолом и Хава»).

Замыслы были остановлены смертью. При всех своих свершениях Казакевич во многом остался человеком-обещанием. Он был полон, как он говорил в записных книжках о своём герое, «играющих сил», но игра творческих сил была прекращена болезнью и смертью. Это не значит, что его жизнь не встретила с судьбой — это значит, что его судьба приняла форму остановленного порыва.

Это издание не претендует на научность. Здесь собраны по большей части уже опубликованные ранее материалы, имеющие характер литературоведческих и мемуарных эссе, подборки избранных текстов и документов. Основная цель сборника — *in memoriam*, чтобы помнили. Современная культура устроена таким образом, что знание имён уже не предполагает знания дел, и, значит, нужно время от времени напоминать о связи между именами и делами их носителей. Это первое. Второй момент заключается в особой близости Казакевича к истоку биробиджанской жизни и биробиджанской темы. Имя и дело Казакевича берут нас за руку и ведут в «дремучую пшеницу» («Двое в степи») ушедшей навсегда исторической реальности, результатом которой стал сегодняшний день. Вспоминая о Казакевиче, о его удивительной жизни и судьбе, мы вольно или невольно собираем себя в тот уникальный исторический смысл, имя которому Биробиджан.

Павел Толстогузов

Лариса Казакевич

БИРОБИДЖАНСКАЯ САГА КАЗАКЕВИЧА*

Родилась я в достопамятном 37-м теперь уже прошлого века.

Мы жили тогда в Биробиджане, куда папа уехал в 1931 году из Харькова, от привычной, обеспеченной жизни интеллигентного еврейского семейства Казакевичей. Ему было тогда 18 лет. После школы, еще в Харькове, он учился в профтехшколе — думаю, это что-то типа ПТУ или техникума. Но он не закончил это учебное заведение, так как был изгнан за эпиграммы и споры с директором. Папа рассказывал, что последней каплей была карикатура на директора с петушиной головой с соответствующей подписью под карикатурой, чтобы было ясно, кто это такой. Почему родители отдали его в это учебное заведение, не понимаю, так как он был абсолютным гуманитарием — много читал, переводил, писал стихи и прозу, прекрасно знал идиш и немецкий, играл на фортепиано и на скрипке.

Мама моя родилась и жила в Кременчуге на Украине, откуда совсем молоденькой тоже уехала в Биробиджан. Там мои родители и познакомились. Кстати, папа тоже родился в Кременчуге, как впоследствии и я.

В 1972 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга воспоминаний о Казакевиче. Редактор этой книги Лев Шубин во внутренней рецензии писал о том, что в Древней

* Воспоминания дочери Казакевича были впервые опубликованы в декабре 2012 года в «Окнах» — еженедельном литературно-художественном приложении к русскоязычной израильской газете «Вести» (сетевая публикация — в интернет-газете «Мы здесь», № 387, январь 2013 г.). Они представляют собой главу из книги воспоминаний. В письме к В. С. Гуревичу автор писала: «Посылаю главу о Биробиджане. Писать ее было для меня сложнее, потому что я там присутствовала лишь в младенческом состоянии — с 37-го по какой-то кусок 38-го, а писать о том, при чем не присутствовала, для меня сложновато. Но — написала». Публикуется с разрешения автора. — *Ред.*

Греции не было такой биографии, как сейчас, — родился, учился, работал там-то и там-то, имел или не имел детей и т. п., а потом умер тогда-то. Биографии как таковой удостоивались лишь те, кто совершил в жизни **деяние**. Так вот, Шубин писал, что Казакевич совершил три деяния в своей жизни, и первое из них — его деятельность в Еврейской автономной области.

Итак, 18-летний еврейский мальчик, очкарик, поэт отправляется в неизведанную, неосвоенную землю. Он ехал в Еврейскую автономную область не в погоне за более счастливой долей, а для того, чтобы создать то место, в котором будут жить евреи, пусть и в пределах Советского Союза. Он был одержим этим желанием.

Немного об истории создания Еврейской автономной области.

28 марта 1928 г. Президиум ЦИК СССР издал постановление «О закреплении за КОМЗЕТОм для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края». Имелась в виду «возможность организации на территории названного района еврейской административной территориальной единицы». Тогда это явилось первым и единственным государственно-территориальным образованием евреев не только в СССР, но и в мире. Могу себе представить, что для евреев, рассеянных по миру в течение столетий, это показалось осуществлением мечты о **своей** земле. И евреи начали съезжаться не только со всего Советского Союза, но и со всего мира.

Из исторической справки о ЕАО:

«В мае 1928 года на станцию Тихонькая, где находился Биробиджанский переселенческий пункт, прибыла первая партия переселенцев из городов и сел, местечек Украины, Белоруссии, центральных районов России. Одновременно решением государства были посланы машины и выделены необходимые средства.

Еврейские поселения, создаваемые в небольших населенных пунктах, соединяли Транссибирскую магистраль с

долиной Амура. Эпицентром еврейского переселения стала станции Тихонькая (впоследствии — Биробиджан).

Крупные переселенческие колхозы и коммуны были созданы в селах Бирофельд, Амурзет, Валдгейм, Даниловка и других. Факт возрождения автономной еврейской территории активизировал приток иммигрантов из-за рубежа, искренне веривших в то, что Советский Союз — демократическое народное государство. С такими мыслями приехали из Аргентины, Литвы, Франции, Латвии, Германии, Бельгии, США, Польши и даже из Палестины почти 700 человек.

20 августа 1930 года ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района». Госплан РСФСР рассматривал Биро-Биджанский национальный район как отдельную народнохозяйственную единицу. В 1932 году были рассмотрены и утверждены первые контрольные цифры развития района.

7 мая 1934 года принято постановление о преобразовании района в Еврейскую автономную область в составе РФ. В 1938 году с образованием Хабаровского края Еврейская автономная область вошла в его состав»¹.

Столица автономной области Биробиджан увековечила в своем названии две тунгусских речки — Биру и Биджан.

Первое место папиной деятельности на новой земле было неожиданным — председатель колхоза. Сам он выбрал такое поприще или его направили на эту должность — не знаю. Но, как ни странно, этот молодой парень, никогда прежде не соприкасавшийся с сельским хозяйством, справился с этой задачей вполне успешно. Журналист Т. Ген пишет в воспоминаниях о Казакевиче («Его любили» — так называется

¹ Приведённый здесь текст и его варианты «гуляют» в сети с первой половины 2000-х годов и имеют своим первоначальным источником, скорее всего, официальный сайт ЕАО (раздел «Создание и развитие ЕАО», подготовленный и обновляемый работниками архивного управления правительства ЕАО и госархива области). — *Ред.*

этот мемуар), что когда он в 1931 году приехал в Биробиджан и они встретились, Казакевич сказал ему, что работает председателем колхоза. Ген не поверил, решил, что папа шутит, так как тот вообще был склонен к шуткам, розыгрышам. Но папа с гордостью поведал ему, что его колхоз на третьем месте по сенокосу и на втором — по надоям молока.

Вынуждена процитировать Т. Гена, так как сама, по вполне понятным причинам, не присутствовала там:

«Молодой председатель колхоза был в Биробиджане не менее популярен, чем его отец — редактор газеты «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»). Поэт, витавший в облаках, опустился на таежную заболоченную землю, окунулся в заботы о хлебе насущном, об устройстве жизни переселенцев в далеком незнакомом краю... Писатель Г. Добин даже начал писать роман о председателе колхоза Казакевиче. Для того чтобы человек, не сведущий в сельском хозяйстве, возглавив колхоз, тут же с треском не провалился, ему нужно было в кратчайшее время овладеть целым комплексом знаний, вдобавок научиться руководить коллективом — отнюдь не легким, состоящим из бывших мелких лавочников, кустарей-одиночек, «людей воздуха», как метко определил их Шолом-Алейхем. С самого раннего утра Казакевич был в бригадах и звеньях. Уставших людей подбадривал шуткой, остроумным словом. Вечера проводил в правлении колхоза, а потом до поздней ночи при свете керосиновой лампы проходил «сельхозакадемию» на дому. Для этой цели приобрел библиотечку специальной литературы».

Через два года вслед за папой в Биробиджан уехали и его родители.

Папин папа — Генрих (Генах) Казакевич — был главным редактором биробиджанской областной газеты «Биробиджанер штерн», то есть был в области очень заметным человеком. И не только по этой причине. Он был первоклассным переводчиком, талантливым журналистом. Когда семья Казакевичей жила в

Харькове, куда она переехала в 1924 году из Киева, Генриха Казакевича назначили главным редактором республиканской газеты «Дер Штерн» («Звезда») и главным редактором центрального литературно-художественного и публицистического журнала «Ди Ройте Велт» («Красный мир»). В Харькове дом Казакевичей всегда был полон уже известными и только начинающими писателями и поэтами. У них останавливались, часто надолго, Квитко, Маркиш, Фефер, Фининберг, Гофштейн... Папина старшая сестра Галина Генриховна пишет в своих воспоминаниях: «Как-то Перец Маркиш воскликнул, обращаясь к нашей маме: “Женя, скоро ваша кушетка заговорит стихами!”» На этой кушетке как раз и спали поэты, приезжающие в гости, в том числе и Перец Маркиш. Когда в Харьков приезжал на гастроли московский ГОСЕТ, первый визит Михоэлса, Зускина, других артистов, режиссеров и композиторов театра был к Казакевичам.

Я вот пишу про Генриха Казакевича как-то отстраненно и вдруг понимаю: это же мой дедушка. Как жаль, что я не знала моих дедушку и бабушку. Тетя Люся (так мы звали папину сестру: о том, что она Галина, я узнала лишь из книги воспоминаний о папе; думаю, в детстве из Галюси она превратилась в Люсю) пишет: «Режиссеры и театральные деятели Грановский, Марголин, Лойтер — все были вхожи в наш дом, все любили нашего отца Генриха Львовича. Он действительно был красивый человек. Отец был добрый, общительный, вспыльчивый, увлекающийся, веселый. И очень артистичный. Хорошо пел, прекрасно читал вслух».

И о бабушке Жене в воспоминаниях есть очень хорошие слова. Она работала в системе Наробраза. Летом 1919 года она ездила в охваченное голодом Поволжье, собирала там детей-сирот и детей из очень бедных семей, привозила в Новозыбков, где организовала детский дом. В системе народного образования она работала и в Биробиджане. Бабушку Женю вспоминают как добрейшего, теплого человека.

Когда я читаю про дедушку и бабушку и жалею, что не знала их, я понимаю, что это и хорошо, что не знала. Дело в том, что они ушли из жизни в конце 1935 года, один за другим, еще достаточно молодыми людьми: дедушке было 52 года, бабушке — 47. И вот страшный парадокс той окаянной эпохи, когда говорят: «к счастью, умерли», так как в 36-м или 37-м их точно арестовали бы. Они были первыми кандидатами на арест: уж очень заметны — и по работе, и по человеческим качествам.

В письме тете Люсе с фронта в октябре 1942 года папа писал: «Я и ты — дети своего отца, человека могучего нравственного здоровья, оптимиста, Брюньона-интеллигента². И — не знаю, как тебе, но мне это помогает. В худшие времена я всегда слышал в себе биение папиного сердца и видел его улыбку...» Могу сказать, что эти слова абсолютно относятся и к моему папе.

Дедушка и бабушка полностью приняли революцию. Они, как и многие тогда, и многие евреи в частности, были полны надежд на светлое будущее, были уверены, что — да, трудно, да, лишения (они этих трудностей и лишений и не замечали), но это, естественно, все наладится, будет совсем другая действительность — свобода, равенство, братство. И детей они воспитывали так же — в полном приятии того, что происходило.

В конце 50-х годов я ехала в поезде из Махачкалы в Москву, и со мной в купе было трое мужчин разного возраста. Завязался разговор о времени и о себе. Один — интеллигентный пожилой человек, совсем седой — отсидел свое и, к счастью, остался жив, реабилитирован. Другой — человек средних лет, житель Махачкалы — довольно весело поведал нам о том, что в «те» годы во время отпуска главного редактора газеты замещал его, и его арестовали, так как в спускавшихся списках на арест не было фамилий, были только должности, и еще указывалось количество человек, долженствующих быть арестованными. К счастью,

² Кола Брюньон — весёлый столяр, не унывающий ни при каких обстоятельствах герой одноимённой повести Ромена Роллана (1913). — *Ред.*

отсидел он только несколько лет, и его выпустили. «К счастью...» Таких «к счастью» было немного. Уверена, что папиных родителей ждала такая же участь, но вот «к счастью» с ними не случилось бы.

Мне вспоминается анекдот о тех временах. Ночью муж с женой беседуют. Муж говорит: «Я коммунист, хороший работник, честный, ничего не нарушаю, никаких nepoзвoли-тельных контактов не имею (и так далее, в том же духе). Ну, дадут десять лет...»

А у папиных родителей, в отличие от героя этого анекдота, грехи были, тяжкие грехи. Они были людьми думающими, деятельными, незаурядными. Кроме того, членами Коммунистической партии с 1917 года. А тогда таких людей ох как не любили. А если вспомнить, что в Биробиджане дедушка был главным редактором областной партийной газеты и членом бюро обкома партии...

Так что повторяюсь: счастье, что они умерли своей смертью, умерли еще молодыми, полными сил... Как там у Галича? «Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели».

И к этой же теме, забегая вперед, добавлю еще один эпизод.

В 37-м году, перед маминой поездкой в Кременчуг, куда она поехала к своим родителям рожать меня, папа сказал ей, чтобы она сошла в Харькове, увиделась со своей сестрой и ее мужем, рассказала, что происходит, и попросила его уехать на какое-то время, чтобы избежать ареста. Муж тети Гали — Федор Щербак (между прочим, украинец) был прекрасным человеком, искренним коммунистом, верящим в идеалы революции. И он не поверил. Через некоторое время его арестовали, и он сгинул там. Был слух, что сошел с ума.

В конце 1932 г. началось строительство Дома культуры, начальником коего (строительства) был назначен Казакевич. Как пишет Яков Чернис в своих воспоминаниях о Казакевиче: «Он, бывало, говорил: “Все имеется — начальник, площадка, огороженная забором, вывеска, что здесь строится Дом культуры. Только самого строительства нет“».

Но Дом культуры появился. Сначала Казакевич уговорил-«заставил» главного инженера треста «Биробиджанстрой» Рафальского составить проект Дома культуры, организовал молодежь на субботники по строительству, выбивал деньги на стройматериалы и прочие нужды у хабаровского начальства и т. д., и т. д. При этом он был не только начальником стройки — он сам месил глину, таскал кирпичи, в общем, участвовал в строительстве, когда позволяло время.

Часто приходилось действовать, так сказать, не конвенционально. Например, доехать из Биробиджана в Хабаровск было очень сложно. Местный поезд был облеплен людьми, а на московский не было билетов. И папа придумал такой трюк. Когда поезд начал трогаться, папа и Яков Чернис, который об этом пишет, полураздетые, с мыльницей в одной руке и полотенцем в другой, побежали за поездом, как будто отстали. Проводник, естественно, думает, что это отставшие, и помогает им взобраться по ступенькам. А они идут в вагон-ресторан, где билеты контролеры не проверяют, берут по бутылке пива и, потихоньку поцеживая его, доезжают до Хабаровска.

Здание этого Дома культуры, когда оно было построено, было передано Биробиджанскому государственному еврейскому театру, и Казакевич стал его директором.

И все это время — работая в колхозе, на строительстве Дома культуры, директорствуя в театре — он писал стихи, прозу и пьесы, переводил, в частности, Маяковского, которого очень ценил как поэта.

Осенью 1934 года в Биробиджан приехала группа писателей: Александр Фадеев, Петр Павленко, Рувим Фраерман, венгерский поэт Антал Гидаш. Оказывается, дедушка был до этого знаком с Фадеевым, по предложению Фадеева Генриха Казакевича как редактора альманаха «Форпост», выходившего на еврейском языке, избрали в состав правления дальневосточного отделения Союза писателей. И

осенью 34-го года молодой Казакевич встретился с этой группой писателей в тайге, у костра, где Фадеев жарил мясо на костре, и они пили кислое вино, закусывая его жареным мясом. Молодой Казакевич, как вспоминает присутствовавший там Яков Чернис, рассказывал что-то, и все слушали и смеялись. Фадеев, узнав, что папа перевел на идиш, в частности, «Во весь голос» Маяковского, попросил прочитать. Когда он замолчал, все зааплодировали, а Фадеев сказал, что ритмика в переводе выдержана прекрасно, а потом подсел к Генриху Львовичу и сказал: «Хороший сын у тебя, Генрих, за такого краснеть не будешь». Вот таков совсем краткий пересказ этого эпизода в воспоминаниях Якова Черниса.

Фадеев к папе очень хорошо относился. По этому поводу вспоминается смешной эпизод. Когда в начале 50-х годов «новым» писателям давали квартиры в новом доме писателей, пристроенном к старому, в Лаврушинском переулке (что напротив Третьяковской галереи), нашему семейству выделили квартиру на третьем этаже, каковой считался самым престижным (на этой же площадке была квартира Нилиных). А Первенцевым — на первом. Оказывается, Первенцев пошел к Фадееву просить, чтобы его этаж поменяли с Казакевичем. Фадеев выгнал его из кабинета с соответствующими словами, вместо которых обычно в тексте ставится отточие. Нет, я не хочу сказать, что это зависело только от его отношения к Казакевичу. Но это хорошо характеризует Фадеева, по-моему.

Но это так, к слову.

За годы жизни в Биробиджане Казакевич много писал и переводил. Перечислю здесь некоторые его переводы и произведения на идише в Биробиджане и уже в Москве — до его ухода на фронт в ополчение летом 41-го года: перевел на идиш лирику Маяковского, издав ее в Москве отдельным сборником, поэму Маяковского «Во весь голос», стихи Пушкина, Лермонтова, Гейне, перевел для театра «Уриэля Акосту» К. Гуцкова и «Профессора Полежаева» Л. Рахманова, написал

на идише пьесу в стихах «Молоко и мед», которая продолжительное время шла на сцене театра. Это далеко не полный перечень его довоенных произведений.

Не могу не привести отрывок из интервью доктора Бера Котлермана о литературном творчестве Казакевича на идише:

«— Что сегодня стоит изучать в творчестве Казакевича “биробиджанского периода”? Какие его произведения, с вашей точки зрения, ждут переводов, литературных исследований? Что в них стоит искать?»

— Из биробиджанских стихов все нужно переводить заново, думая над каждым словом. Там — море метафор и ассоциаций, которые потерялись. Необходимы комментарии. Тут особый сплав еврейского и советского, часто в очень дерзкой подаче. Читать это надо, вооружившись пониманием еврейской культуры. Казакевич очень аутентичен, практически не подвластен давлению, не ангажирован, как почти все остальные его современники (которых печатали). Национальные поэты издаются обычно специальными аннотированными изданиями, ведь это — национальное достояние. Почему бы не взяться за такое дело и в Биробиджане? Казакевич — это целая эпоха, с особым взглядом на мир, который сегодня далеко не всем понятен. Издать нужно письма, статьи, черновики, особенно биробиджанского периода — они многое объясняют. Некоторые его стихи совсем не известны на русском. Например, огромная поэма “Шолом и Хава”, изданная в Москве незадолго до войны. Там такая особая биробиджанская мифология — создание нового еврейского колена, ни больше ни меньше. Вот отрывок в моем переводе, где я попытался сохранить ритм, размер и даже, где удалось, звучание:

*И пусть привидится: Израиль
Расставил там свои шатры,
Где даль весенняя сияет
И где шатер поставил ты.*

*Весна наполнится красою,
Бокал наполнится вином,
Нальется Хава жизнью новой,
И морось будет летним днем,
И листопад придет багряный,
И снег покроет все кругом.*

*И будет так: как снег растает,
То от нее с тобой тогда
Колено новое восстанет.*

*И прилетит золотая пава
Ко входу твоему; рогами
Взмахнет олень: владей же нами,
Потомок Шолема и Хавы!..*

Шолом и Хава — это биробиджанские Адам и Хава (Ева — по-русски). Но если Адам — это земля и кровь, то Шолом — это мир. Они — родоначальники. Они — в мифологическом пространстве, не подвластном времени. Там живет “золотая пава”, излюбленный персонаж еврейских сказок, этакая еврейская “синяя птица” Метерлинка. Она все время ищет “вчерашний день”. Там олень — Страна Израиля в Талмуде зовется Страной Оленя, потому что на арамейском языке, языке Талмуда, красота — это то же слово, что “олень” на иврите. А “шатры Израиля” — это мотив “исхода из Египта”, навстречу своей стране — такой страной Казакевич и мечтал увидеть Биробиджан, там он хотел быть счастлив и был — правда, недолго»³.

Но я отвлеклась. Итак, театр. Базой для биробиджанского театра был клуб имени Ленина на Красной Пресне в Москве.

³ Это интервью было опубликовано в «Биробиджанской звезде» 25 сентября 2008 г. под названием «Неизвестная знаменитость». Журналист, бравший интервью, — В. И. Антонов. В настоящем издании интервью приводится полностью. — *Ред.*

А, так сказать, «базой» актерской — группа молодых актеров, выпускников театрального училища. Актер И. Колин, который был в числе этих выпускников театрального училища и поехал за Казакевичем в Биробиджан, пишет, что Эммануил Казакевич был страстно влюблен в дальневосточные края, в тайгу, «воспевал людей, которые ее обживали». Я знала Колина и его жену Лию, тоже актрису. Они часто приходили к нам в Москве в гости. Помню, с какой любовью они относились к папе.

Естественно, сразу навалились организационные и финансовые вопросы — театральное хозяйство, формирование технического цеха, доставка в то трудное во всех отношениях время материалов для оформления, теса, гвоздей, костюмов для ближайших премьер и т. д., и т. д. Наконец, нужно было перевезти все это хозяйство в Биробиджан, там обеспечить работу и быт большого коллектива, открыть первый сезон нового театра. И, как пишет Колин, «Казакевич все эти проблемы решил. Решил смело, дерзко и даже... озорно». Например, театру нужен был транспорт для перевозки театрального имущества, декораций. Официальная просьба в наркомат путей сообщения осталась без ответа. Тогда папа пришел в кабинет ответственного товарища в наркомате и стоя начал читать стихи. К счастью, этот ответственный товарищ любил литературу и подписал заявку на вагоны.

Но, конечно, одной из главных проблем было комплектование труппы. Кроме молодых выпускников театрального училища, нужны были опытные артисты, притом хорошие артисты. И папа поехал по российским городам искать таких артистов и агитировать ехать в Биробиджан. И ему это удалось. Как пишет Колин, «только энтузиазм, романтика, незаурядный ум и вечный юмор Эммануила были в состоянии поднять из Киева, Одессы, Минска, Москвы опытных артистов и увлечь их в Биробиджан».

Время от времени папа ездил в командировки в Москву — как директор театра он должен был там представлять пред очами

центрального начальства, встречался со «спонсором» биробиджанского еврейского театра — ГОСЕТОм, то есть с Михоэлсом и его актерами, а также получал деньги для театра. Это были большие деньги — в частности, зарплаты для всех работников театра. Никаких банков, сберкасс — каменный век, вся сумма укладывалась в большой баул, и папа вез его в поезде через всю Россию — от Москвы до Биробиджана. Он нам рассказывал, что клал баул на свою полку, спокойно выходил на станциях, и ни разу с баулом ничего не случилось. Все-таки в легкомыслии молодости есть своя прелесть.

Колин вспоминает, что Казакевич был необычным директором. У него не было штатных помощников, не было положенного директору секретаря, в директорский кабинет заходили запросто, без стука. И тут я вновь должна процитировать Колина: «Когда Эммануил, уже не будучи директором, пришел по какому-то вопросу к его преемнику, секретарша остановила его: “К кому вы?” Казакевич с удивлением ответит: “К директору”. — “Кто вы, как доложить о вас?” — спросила вышколенная секретарша. “Александр Македонский”, — ответил Эммануил. Так она и доложила под общий хохот присутствующих».

Да, и он еще успел за это время познакомиться с мамой и произвести на свет двух дочерей — Женю и Лялю (Ляля — это я).

А в 38-м году случилось вот что. Папа уже работал не в театре, а на радио. Но, видимо, все-таки все работники культуры должны были ездить в Москву, думаю, для получения указаний от вышестоящих товарищей. Во время очередной папиной московской командировки к маме в Биробиджане подошел человек (не помню точно, как мама его назвала, — работник не то райкома партии, не то комсомольский вышестоящий товарищ) и сказал: «Твой муж — шпион, он перешел границу с Китаем». Не знаю точно, что и как он сказал, но суть такова — так нам рассказывала мама. То есть «как» знаю — мама сказала, что сказал очень зло. И мама

рассказывала об этом очень сердито. Но, конечно, этого человека нужно благодарить. И я думаю, он предупреждал маму, потому что если бы узнали об этом его сообщении, ему бы не поздоровилось.

Мама тут же отправила папе телеграмму, чтобы он не приезжал. И бедная моя мамочка, которая еще недавно ездила с маленькой Женей и со мной в животе рожать меня в Кременчуг и обратно, опять поехала с нами через всю Россию — от Биробиджана до Москвы — к папе.

И здесь начинается совсем другая история.

Фёдор Кашевский

КОМАНДИРОВКА С КАЗАКЕВИЧЕМ*

В Биробиджане, в 1933 году, я познакомился с Эммануилом Казакевичем, впоследствии известным советским писателем. Первая встреча состоялась в ноябре, когда Биробиджанский районный комитет партии собрал коммунистов, которые должны были поехать уполномоченными в колхозы, чтобы помочь в подготовке к предстоящему весеннему севу.

Это были первые годы коллективизации. Колхозы ещё не окрепли. Перед уполномоченными была поставлена задача: организовать ремонт имеющегося немудрёного инвентаря — конных плугов, сеялок, борон. Тракторы в то время только начали поставляться. Надо было позаботиться о семенах, обменять их в «Заготзерне» на кондиционные по всхожести. А это значит, что нужно вывозить семена на подводах за 30—40 километров.

Мне досталось село Бабстово с довольно крупным по тому времени колхозом «Труженик». Колхозники — все старожилы, амурские казаки. По соседству, в шести километрах, находился корейский колхоз имени 8-го Марта. Это хозяйство было небольшим. Занималось выращиванием сои, риса, овощей и картофеля. В этот колхоз направлялся уполномоченным Эммануил Казакевич. Работал он тогда директором областного театра. Поскольку наши колхозы находились рядом, мы решили добираться на одной подводе. Дорога заняла трое суток. Уже наступили зимние холода, и поездка была не из приятных.

* Воспоминания Ф. М. Кашевского впервые опубликованы в газете «Биробиджанская звезда» 8 января 1988 года. — *Ред.*

В пути мы решили: действовать сообща, т. е. шефствовать над обоими колхозами. Тем более что Э. Казакевичу с таким делом пришлось столкнуться впервые.

Я в то время работал управляющим отделением госбанка, часто бывал в колхозах. По приезде в Бабстово нас устроили на квартиру к колхознице, пожилой женщине вдове Макаровой. Хозяйка отвела нам небольшую комнату с одной кроватью и одним стареньким одеялом. Матрацы мы набили соломой. Питание наше было довольно скудным. Хлеб, который мы привезли с собой, быстро съели. Пришлось брать немного муки в колхозе. Хозяйка пекла из неё лепёшки на сухой сковороде. Такую лепёшку мы съедали с парой варёных картофелин и солёным огурцом.

Вот в таких условиях нам пришлось жить более месяца. Утром уходили в тот или другой колхоз, где оставались до самого вечера, а иногда и до ночи. Вернувшись, мы обязаны были напилить, наколоть дров, натаскать их в избу, а потом уже садились за ужин.

Вечера коротали в беседах. Э. Казакевич интересовался историей края, его населённых пунктов, особенно событиями периода гражданской войны на Дальнем Востоке, периодом героической эпопеи, когда краем руководил Дальсовнарком и его председатель А. М. Краснощёков¹ со своими молодыми

¹ Фигура А. М. Краснощёкова очень любопытна. Александр Михайлович Краснощёков (Абрам Моисеевич Краснощёк, 1880—1937) — участник социал-демократического движения в России с конца 1890-х гг. Видный деятель профсоюзного движения в США в 1910-е гг. Организатор Рабочего университета в Чикаго. В 1918 году председатель Дальневосточного Совета народных комиссаров, в 1920—1921 гг. председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики, в 1922 году председатель правления Промбанка СССР. По воспоминаниям современников, его связывали тесные отношения с Л. Ю. Брик. В 1923 году подвергся аресту, был осуждён по обвинению в злоупотреблениях служебным положением (в 1925 году освобождён по амнистии). Во второй половине 20-х годов и в 30-е гг. работает в Народном комиссариате земледелия. В 1937 году расстрелян. Интересна статья Конституции ДВР, в которой речь идёт о языках национально-культурных автономий: «Языком национально-культурных автономных объединений является язык данной национальности: украинский, еврейский (идиш),

комиссарами. После захвата Хабаровска японцами и белогвардейцами в сентябре 1918 года большинство из работников Дальсовнаркома погибли.

— Об этом, — говорил мне Эммануил, — я, возможно, напишу книгу.

Мне было о чём рассказать, поскольку я был свидетелем тех событий в Хабаровске: работал в то время печатником в типографии газеты «Свободное Приамурье». Наборщиком работал Сергей Алексеевич Шеронов, впоследствии заместитель председателя Хабаровского городского Совета. Позже он погиб от рук белобандитов.

Вернулись мы из своей командировки через полтора месяца, в канун Нового года.

После Великой Отечественной войны некоторое время переписывались с Эммануилом Генриховичем. Он прислал мне на память две свои книги «Весна на Одере» и «Звезда». В каждом письме он вспоминал Бабстово.

корейский, татарский и т. д.» (отдел 5, глава 3, статья 124). Мы не знаем и уже никогда не узнаем, что в первую очередь интересовало Эммануила Казакевича в этом случае: героика гражданской войны или человеческая незаурядность одного из её участников, чьё происхождение и дальневосточная эпопея оказались неким предвестием будущей еврейской автономии (во всяком случае, и деятельность А. М. Краснощёкова, и образование ЕАО были в духе социальной инженерии, которая тогда властвовала над умами). — *Ред.*

Виктор Соломатов

«ОН БЫЛ, А НЕ КАЗАЛСЯ»*

«Вернувшись в комнату с диваном, Лубенцов прилѐг и стал почему-то думать о своём родном крае, о деревне Волочаевке, где он родился. Он вспомнил знаменитую сопку Июнь-Корань, под сенью которой прошло его детство.

На сопке стоит школа, где он учился, и каменный человек со знаменем. Этот человек со знаменем, видимый со всех сторон далеко в тайге, на болотистых падах и лесистых рѐлках, был первым ярким воспоминанием детства.

Лубенцов так привык к его виду, к его постоянному порыву вперѐд, что словно перестал замечать совсем. Но, должно быть, глубоко запал в душу этот образ, этот памятник в честь славного сражения за Дальний Восток, если теперь, оторванный от тех мест двенадцатью тысячами километров и от всей той жизни — линией фронта, он вдруг вспомнил именно его, человека со знаменем, водружѐнного на далѐкой сопке».

Думается, далеко не случайно героем своих прекрасных романов «Весна на Оudere» и «Дом на площади» писатель Эммануил Генрихович Казакевич сделал уроженца Волочаевки майора-разведчика Сергея Лубенцова. Не случайно потому, что юность писателя, как и его героя, прошла здесь — в Биробиджане, в Еврейской автономной области.

Здесь познал молодой Казакевич и радость первой любви, и горечь утрат — на биробиджанском кладбище покоятся его отец и мать, — и свой первый литературный успех. Слово «первый» в биографии «надежды русской прозы», как называл

* Впервые опубликовано в «Биробиджанской звезде» 24 февраля 1998 года. Материал В. И. Соломатова был посвящён 85-летию со дня рождения Э. Г. Казакевича. Публикуется в редакторской версии П. Н. Толстогузова. — *Ред.*

его скупой на похвалу Александр Твардовский, Эммануила Казакевича тесно связано с дальневосточной землёй, с Биробиджаном.

Первая книжка, вышедшая здесь, на биробиджанской земле, была сборником стихов юного Казакевича, написанных на языке идиш. Он был **первым** директором им же созданного драмтеатра в нашем городе. Одним из **первых** председателей переселенческого колхоза «Валдгейм». **Первым** местным драматургом, чья пьеса «Молоко и мёд» и перевод драмы Карла Гуцкова «Уриэль Акоста» были поставлены на сцене Биробиджанского театра.

Люди, знавшие Казакевича в пору его биробиджанской молодости, наши писатели-земляки Борис Миллер, Любовь Вассерман, Наум Фридман, Исаак Бронфман в разговорах часто вспоминали Эмку, как они его называли.

Мне, приехавшему в Биробиджан в начале шестидесятых годов, совсем ещё молодому, почти мальчишке, судьба подарила счастье общения с ними. И казалось почти фантастикой, что они запросто общались с автором так потрясшей моё юношеское воображение «Звезды».

Впервые я прочёл её, будучи двенадцати лет от роду, сегодня мне за шестьдесят, но всё это время я помню первые строки этой повести.

«Дивизия, наступая, углубилась в бескрайние леса, и они поглотили её». Зрелище этой поглощённой лесами пехотной дивизии будоражило моё детское воображение, я стал читать всё, что выходило из-под пера Эммануила Казакевича, и всё, что удавалось прочесть о нём. Именно поэтому, встретившись с людьми, лично знавшими любимого мной писателя, я буквально «разинув рот» слушал их рассказы о нём.

У французов есть пословица: «умный на лестнице». То есть самые мудрые мысли, самые едкие и остроумные слова приходят, когда тебя уже выставили с треском из квартиры, где ты был в гостях и чем-то не угодил хозяевам. Вот и я оказался в

положении «умного на лестнице». Мне бы записывать эти беседы, эти воспоминания, создавая по чёрточкам, по деталям, известным только им, образ Эммануила Генриховича. Цены бы сегодня таким записям не было! Но я был юн и беспечен, жизнь, и моя, и моих собеседников, казалось мне бесконечной. И, конечно же, я надеялся на свою память — мол, этого-то уж не забуду.

Забыл столь нужные подробности, но в сердце навсегда сохранил образ Казакевича тридцатых годов, юноши в кожаной куртке, фуражке со звездой, с проницательными глазами, спрятанными за стёклами сильных очков.

Из рассказов Наума Фридмана, поздних воспоминаний Любви Вассерман, со страниц повести Бориса Миллера «Ясность» предо мной предстаёт сегодня образ отзывчивого, обаятельного человека, талантливого поэта, наделённого большим чувством юмора, склонного к невинным розыгрышам и озорству.

Именно таким остался он в их памяти, именно таким живёт в моём сердце.

В 1979 и 1981 году Биробиджан посетил ленинградский писатель Семён Михайлович Бытовой. Естественно, мы встретились. Они и подарил мне в первый приезд свою книгу «От снега до снега». Не буду приводить здесь лестную для меня надпись на титуле томика, скажу только, что это был ценный для меня подарок. Ибо я обнаружил целую главу о молодом Казакевиче, с которым автор дружил в пору его (Казакевича. — *Ред.*) жизни в Биробиджане.

Когда Семён Михайлович приехал в наш город во второй раз, я, уловив момент, повёл разговор о юности отцов, старших товарищей по перу, и о Казакевиче в частности.

Бытовой охотно пошёл мне навстречу, рассказав, что Эммануил Генрихович был человеком увлечённым и увлекающимся. И, будучи одних лет с дальневосточными литераторами, а иных и помоложе, по своим литературным

знаниям, по начитанности, по общей культуре стоял выше любого из них. Он с детства хорошо знал немецкий язык и всё время совершенствовался в нём, читая в оригинале немецких классиков.

— Знаете, — сказал Семён Михайлович, — было у Эммы заветное желание совершить поход по одному из маршрутов Арсеньева. «Вот если бы сколотить на такое дело дружную ватажку литераторов, можно было бы не только посылать с дороги очерки в газету, но и издать впоследствии отличную книжку. Ах, как мало ещё в нас решительности и любознательности! — сетовал он Бытовому. — Прости меня, мы — те самые камни, под которые вода не течёт...»

Всю свою жизнь он, по выражению известного режиссёра Анатолия Эфроса, осуществившего в кино постановку фильма по одному из лучших произведений Эм. Казакевича «Двое в степи», «был, а не казался».

«Быть, а не казаться» — как это, в сущности, трудно, и удаётся это в жизни не очень многим.

Казакевич беззаветно любил нашу суровую и прекрасную землю. В канун 1961 года, 31 декабря, он написал письмо читателям-дальневосточникам.

«Дорогие друзья!

Я получил ваше письмо. Вы спрашиваете о моём отношении к Дальнему Востоку, где я провёл лучшую пору моей жизни, где я испытал также и великие горести: там я потерял отца и мать.

Дальний Восток — моя родина. Он научил меня горячо любить природу; благодаря его просторам, его широте, его необъятности я научился мыслить широко, в масштабе больших пространств. Жизнь в краю необъятном, далеко ещё не заселённом, не освоенном научила меня думать о будущем, верить в будущее, считать себя частицей будущего...

...Желаю вам, дорогие друзья, успехов. Любите свой край — он этого заслуживает».

Бер (Борис) Котлерман, Виктор Антонов

КАЗАКЕВИЧ В БИРОБИДЖАНЕ *

Эммануила Казакевича в разное время называли то еврейским, то советским писателем. Из-за этого «разночтения» даже изменяли надпись на мемориальной доске на здании редакций газет «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда», в которых он когда-то работал. Сейчас предпочитают говорить просто о писателе Эммануиле Казакевиче. В чём причина таких метаморфоз вокруг известной личности?

Об этом беседа с литературоведом, профессором Бар-Иланского университета (Израиль) и научным руководителем Центра изучения языка и культуры идиш при Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии в Биробиджане Борисом Котлерманом.

— Борис, как литературовед, как учёный-идишист скажите: к какому «берегу» ближе литературное творчество Казакевича?

— Молодой Казакевич, несомненно, насквозь еврейский поэт. Правда, никакого специфически еврейского образования он не получил, в хедере не учился, однако тут, видимо, оказалось решающим влияние среды и прежде всего отца Генаха (по-русски он известен как Генрих) — талантливейшего педагога, журналиста, деятеля еврейской культуры общесоюзного масштаба. В доме

* Интервью Виктора Антонова с Борисом Котлерманом. Впервые опубликовано в газете «Биробиджанская звезда» 25 сентября 2008 года под названием «Неизвестная знаменитость». Сетевая публикация — в еженедельной интернет-газете «Мы здесь», № 182 (октябрь 2008 года). Публикуется в литературной редакции П. Н. Толстогузова с изменениями, внесёнными Котлерманом. — *Ред.*

Казакевичей в Харькове собирался цвет еврейской интеллигенции, среди гостей были основатель Московского ГОСЕТа Алексей Грановский (Абрахам Азарх), выдающиеся актёры и режиссёры Соломон Михоэлс, Вениамин Зускин. Это — мощный заряд на всю жизнь, дай Бог каждому. Ну и явно — самообразование. Он уже в 16 лет переводил Гейне с немецкого, который, вероятно, осваивал через идиш. Вместе с друзьями, часть из которых потом потянулась за ним в Биробиджан (Гершл Диамант, Бузи Миллер, Гешл Рабинков), он создал в Харькове молодежную литературную группу «Птичье молоко». Смысл названия — намёк на еврейскую шутку: мол, только птичьего молока нам и не хватает. Казакевич вырос при театре, поскольку его отец долгое время был директором Харьковского ГОСЕТа, и глубоко проникся еврейским этосом. На идише он и писал вплоть до 1941 года, пока не ушел на фронт. Там, видимо, произошел некий перелом, и он начал писать на русском.

— Какова была роль Эмманиула Казакевича в работе БирГОСЕТа, первого профессионального еврейского театра в Биробиджане? Что скажете о его трактовках переводных классических пьес для этого театра, в том числе из немецких авторов?

— Казакевич был первым директором БирГОСЕТа и, в сущности, его основателем. Театр ведь был создан в Москве ещё в 1933 году и почти целый год готовил там свой первый репертуар под руководством мэтров еврейской сцены. А Казакевич организовывал его работу, ездил по стране и набирал опытных актеров. Его роль сложно переоценить. Потом, по приезде в Биробиджан (это произошло 6 мая 1934 года), начались проблемы. Коллектив был слабоват, хотя отдельные актеры были глыбами. Режиссер не справлялся. А тут создается ЕАО и от руководства требуют «настоящей еврейской пролетарской культуры». В результате Эммануила Казакевича снимают с должности директора, и он идет работать в газету («Биробиджанер штерн». —

Ред.) к отцу. Однако он остался литературным консультантом театра. Театр поставил его собственную пьесу, комедию «Молоко и мед», уже после его отъезда из Биробиджана в 1938 году. Он также перевел ряд пьес, но не все они были поставлены. Например, «Сирано де Бержерак» Ростана, которого должен был ставить знаменитый Таиров, но не поставил. А «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова в его переводе был поставлен к 10-летию еврейского переселения в Биробиджан весной 1938 года. Речь в этой немецкой пьесе середины XIX века идет о мятежном португальском еврее-выкресте XVII века философе Уриэле Акосте, который бежит в Амстердам и возвращается к иудаизму, после того как инквизиция заставила его семью креститься. Акоста не готов принять религиозные догматы, и его конфликт с обществом очень глубок. Со сцены он кричал: «Вы можете меня проклинать — но я еврей!» И зрители, понятно, ему горячо сопереживали. Казакевич сделал альтернативный перевод с оригинала, хотя уже существовали другие версии перевода: в Биробиджане в то время было стремление доказать свою культурную самодостаточность. Собственной трактовки Казакевича в переводе не так много, но постановка, осуществленная режиссером театра Моисеем Гольдблатом, изменила принятые акценты. «Немецкий» Акоста — христианско-страдальческий образ. Таким он был известен и на русской сцене. А «биробиджанский» — полный сил борец, бунтарь. Критика особо подчеркивала этот момент как достижение постановщика. В 1940 году Малый театр тоже поставил «Акосту», взяв музыку у биробиджанцев. Тогда такое сотрудничество было в порядке вещей. Почитайте об игре Александра Остужева в роли Акосты — та же самая новая трактовка.

— Мы как-то с Вами обсуждали стихотворение Казакевича на идише «Корейская новелла». Там тоже чёткие ассоциации с еврейскими священными текстами, некоторые строки звучат почти цитатами из «Песни песней». Вы читали это стихотворение коллегам по

летней школе идиша в Биробиджане. Чем привлекло оно их внимание?

— Это стихотворение, помимо талантливости вообще, поражает своей экзотичностью. Любовь еврея и кореянки, да еще так откровенно! Почти «Мадам Баттерфляй». Одна из преподавателей летней школы, Шева Цукер, теперь цитирует его в своих лекциях в Америке. Кроме того, она планирует посвятить Биробиджану целый номер журнала на идише «На пороге», который она редактирует. В этом номере появится нечто и о «Корейской новелле». Казакевич, кстати, очень увлекался корейцами. Бузи Миллер вспоминал, что в 1932 году он приехал в Харьков, уже из Биробиджана, вместе с приятелем-корейцем, которого всем показывал как «настоящего биробиджанца». Это, видимо, нужно рассматривать в контексте общего увлечения европейцев Востоком, буддизмом и т.п. Это чувствуется в стихотворении. При этом Казакевич рассматривал такой экзотический еврейско-корейский альянс ещё и как способность евреев органически влиться в новый культурно-географический контекст.

— **Самое знаменитое произведение Эммануила Казакевича, повесть «Звезда», написано на русском языке. В то же время первоначальный вариант названия повести был, кажется, «еврейским»?**

— Да, вдова Казакевича опубликовала письма и черновики, откуда стало известным первое название этого рассказа — «Сын звезды», то есть в переводе на арамейский язык Бар-Кохба, знаменитый вождь еврейского восстания в Иудее против римлян во втором веке нашей эры. В использовании такого названия выражает себя определенная модель мышления.

— **Как Вы думаете, мог ли существовать черновик «Сына звезды» на идише?**

— Честно говоря, не знаю. Возможно, где-то в архиве Казакевича в Москве что-то можно раскопать. Есть опубликованная версия этого рассказа идише, называется "Зеленые тени" («Грине шотнс»).

— Что сегодня стоит изучать в творчестве Казакевича «биробиджанского периода»? Какие его произведения, с Вашей точки зрения, ждут переводов, литературных исследований? Что в них стоит искать?

— Из биробиджанских стихов, наверное, чуть не всё стоит перевести заново, думая над каждым словом. Там — море метафор и ассоциаций, которые потерялись в существующих переводах. Необходимы комментарии. Тут особый сплав еврейского и советского, часто в очень дерзкой подаче. Читать это надо, вооружившись пониманием еврейской культуры. Казакевич очень аутентичен, практически неподвластен давлению, не ангажирован, в отличие от почти всех остальных его современников (которых печатали).

Национальные поэты издаются обычно специальными изданиями, содержащими квалифицированный комментарий, ведь это — национальное достояние. Почему бы не взяться за такое дело и в Биробиджане? Казакевич — это целая эпоха с присущим ей особым взглядом на мир, который сегодня далеко не всем понятен. Издать нужно письма, статьи, черновики, особенно биробиджанского периода — они многое объясняют. Некоторые его стихи совсем не известны на русском. Например, огромная поэма «Шолом и Хава», изданная в Москве незадолго до войны. Там такая особая биробиджанская мифология: создание нового еврейского колена, ни больше ни меньше. Вот отрывок в моём переводе, где я попытался сохранить ритм, размер и даже, где удалось, звучание:

И пусть привидится: Израиль
Расставил там свои шатры,

Где даль весенняя сияет,
И где шатер поставил ты.

Весна наполнится красою,
Бокал наполнится вином,
Нальется Хава жизнью новой,
И морось будет летним днем,
И листопад придет багряный,
И снег покроет все кругом.

И будет так: как снег растает,
То от неё с тобой тогда
Колено новое восстанет.

И прилетит золотая пава
Ко входу твоему; рогами
Взмахнет олень: владей же нами,
Потомок Шолема и Хавы!..

Шолом и Хава — это биробиджанские Адам и Хава (Ева по-русски). Но если Адам это земля и кровь, то Шолом это мир. Они — родоначальники. Они — в мифологическом пространстве, неподвластном времени. Там живет «золотая пава», излюбленный персонаж еврейских сказок, такая еврейская «синяя птица». Она все время ищет «вчерашний день». Там есть олень: страна Израиля в Талмуде зовется Страной Оленя, потому что на арамейском языке, языке Талмуда, красота — это то же слово, что «олень» на иврите. А «шатры Израиля» — это мотив исхода из Египта навстречу своей стране. Такой страной Казакевич и мечтал увидеть Биробиджан, там он хотел быть счастлив и был — правда, недолго.

Бер (Борис) Котлерман

КАЗАКЕВИЧ-ДРАМАТУРГ*

Минский журналист Моше Дубровицкий, побывавший в Биробиджане осенью 1931 года, описывает в своих путевых заметках «20 дней в Биробиджане» неуклюжую, в стиле популярных в СССР в то время «театров рабочей молодежи» (ТРаМ), постановку в местном клубе железнодорожников. Постановку организовал 18-летний поэт Эммануил Казакевич при помощи полутора десятков своих сверстников. Скорее всего, это был первый драматургический опыт Казакевича, вознамерившегося создать, среди прочих своих амбициозных проектов, «еврейский ТРаМ в таёжной стране» («Yidtram in taughe-land»). Сам поэт обескураженно признался Дубровицкому, что «первая постановка показала, что нет у нас ТРаМа, это пока еще не трамвая постановка».

Два года спустя именно Эммануил Казакевич был назначен директором будущего Биробиджанского ГОСЕТа, состав которого в качестве театра-студии провел год в Москве, перед тем как отправиться по месту «прописки» в конце апреля 1934 года. Назначение такого молодого директора, несомненно, стало возможным благодаря авторитету его отца, известного еврейско-советского активиста Генаха (Генриха) Казакевича. Казакевич-старший, помимо своей журналистской и переводческой деятельности в Харькове, был там в начале 20-х годов одним из руководителей Еврейского театрального общества, а в середине 20-х годов — директором Всеукраинского еврейского государственного театра (УкрГОСЕТ). Будучи близким другом первого

* Статья основана на материалах монографии: Ber Boris Kotlerman, *In Search of Milk and Honey: The Theater of 'Soviet Jewish Statehood' (1934—49)*. Bloomington, IN: Slavica, 2009. — *Прим. автора*.

художественного руководителя Московского ГОСЕТа Алексея Грановского, а также Соломона Михоэлса, Вениамина Зускина и других ведущих еврейских актеров страны, он был не только администратором: для своего театра в Харькове он написал на идише инсценировку «In der goldener medine» («В золотой стране») по мотивам рассказов Джека Лондона. Так что Казакевич-младший буквально «вырос» при театре и имел представление о театральной «кухне».

В своё короткое директорство в БирГОСЕТе, продлившееся лишь до конца 1934 года, а затем в качестве литературного консультанта театра Казакевич занимался в основном переводами на идиш. Первым таким опытом стал сделанный еще в Москве в 1933 году перевод советского водевиля «Чудесный сплав» Владимира Киршона. Затем последовали «Платон Кречет» Александра Корнейчука, «Шестеро любимых» Алексея Арбузова и программная для театра горьковская пьеса «Враги», ставшая дебютом Горького на советской еврейской сцене в начале 1937 года. Позже были поставлены еще две пьесы в переводе Казакевича: детектив советских драматургов братьев Тур и юриста Льва Шейнина «Очная ставка» и пьеса «Профессор Полежаев» Леонида Рахманова.

Наиболее заметной работой стал перевод пьесы немецкого драматурга Карла Гуцкова «Уриэль Акоста». Эту пьесу в свое время переводили актер знаменитой Виленской труппы Авраам Моревский, а также поэт Давид Гофштейн. Казакевич смело взялся заново перевести «Акосту» по просьбе руководителя БирГОСЕТа в 1937—38 годах Моше Гольдבלата, причем, видимо, непосредственно с немецкого языка. В результате появилась новая поэтическая версия этой популярной пьесы в форме легкого верлибра, задавшая, по отзывам современников, новый сценический ритм. Новый перевод «Акосты», как и постановка «Врагов» незадолго до этого умершего Горького, стали проявлениями кратковременного «культурного биробиджанизма» — создания независимого культурного центра на идише в

Биробиджане (Михоэлс, например, считал, что Горького, как и русскую классику в целом, надо ставить во МХАТе, а не в еврейском театре). В духе той же тенденции Казакевич перевел пьесу французского драматурга Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак»: о ее постановке в БирГОСЕТе велись переговоры с режиссером Александром Таиловым, руководителем гастролировавшего в 1939 году на Дальнем Востоке Московского камерного театра, однако эту пьесу так и не поставили.

В 1934—38 годах, вплоть до своего «бегства» в Москву, Казакевич был основным поставщиком переводов для БирГОСЕТа (кроме него, для театра тогда изредка переводил только поэт Бузи Олевский). Он также пытался, правда, с гораздо меньшим успехом, выступать в роли театрального критика и питал амбиции пробиться на сцену в качестве драматурга. Из опубликованных дневников Казакевича мы узнаем, что в конце 30-х годов он начал писать на русском языке трагедию в стихах «Адмирал океана» о Колумбе. Были и другие планы: например, ряд сцен к послевоенной пьесе «Русские в Германии», а также появившийся в начале 50-х замысел комедии под названием «Куриное перо». Однако до сцены дошла только одна его пьеса — «Молоко и мёд» на идише.

Комедия «Молоко и мед» («Milkh un honik») была написана, скорее всего, в начале 1938 года, непосредственно после первых выборов в Верховный Совет СССР. Уезжая в том же году в Москву, Казакевич передал пьесу на хранение до лучших времен журналисту газеты «Биробиджанер штерн» Нохему (Науму) Фридману. По словам благосклонной критики, пьеса была проникнута «радостью новой жизни еврейского народа в Биробиджане», но, несмотря на это, предложение Фридмана в начале 1939 года поставить ее в БирГОСЕТе наткнулось на отказ местной репертуарной комиссии, назвавшей Казакевича дезертиром за его спешный отъезд из Биробиджана. Несколько позже та же комиссия постановила, под давлением группы артистов и того же Фридмана, постановку пьесы разрешить —

при условии, что её одобряют «представители народа». Актер Файвиш Аронес прочитал пьесу перед залом, и она была встречена бурными аплодисментами. Таким образом пьеса в конце концов попала в репертуар. Полный текст её, к сожалению, пока не обнаружен, однако многочисленные рецензии на её постановку в Биробиджане в январе 1940 года и на украинских гастролях театра летом того же года, а также ряд мемуаров позволяют составить о ней некоторое впечатление.

Речь в этой комедии, написанной поэтической прозой, временами переходящей в рифмованные стихи, идет о «производственном конфликте» в одном из переселенческих колхозов между женой-руководительницей молочной фермы и мужем-пчеловодом. Конфликт состоит в том, что муж и жена вынуждены жить раздельно в силу своих профессий: коровы не переносят пчел, из-за чего мед и молоко производят в отдаленных друг от друга местах. Олицетворяющий собой отживший местечковый образ жизни бывший бакалейщик Шая Кавалерчик требует, чтобы супруга переехала к нему. Социалистический образ жизни, однако, приводит к тому, что его жена, бывшая «кухонная еврейка» Рива, избирается к концу пьесы депутатом Верховного Совета СССР. Прототипом главной героини Ривы Кавалерчик Казакевичу послужила депутат Верховного Совета СССР от ЕАО доярка из Бирофельда Лея Лишнянская. У супругов есть дочь-красавица Люба, вокруг которой крутятся многие местные парни, и среди них — смертельно влюбленный фельдшер Лакрица. Фельдшеру не везет: его возлюбленную отбивает молодой агроном Яша Гор, за которого Люба и выходит замуж. Кроме них в комедии выведены и другие традиционные для советских колхозных пьес персонажи: трактористы, механизаторы, зоотехники.

Этот соцреалистический и в общем-то незамысловатый конфликт комедии скрывает интересный замысел Казакевича, который сложнее поверхностной социально-трудовой проблематики. Совершенно открыто вынеся в название пьесы

библейский парафраз — «И сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и огромную — страну, текущую молоком и мёдом» (Исход, 3:8), — автор выставил Биробиджан, с значительной долей иронии, таким новым Израилем — страной, текущей молоком и медом. Это говорящее само за себя название режиссер постановки Хаим (Ефим) Гельфанд начал обыгрывать с самого начала: на фоне тайги, биробиджанской сопки и реки Бира через всю сцену тянется череда поющих доярок с полными ведрами молока. Целый акт заняла и сцена на пасеке. Завершала пьесу веселая свадьба. Поскольку свадьба всегда рассматривалась в еврейской традиции не просто как церемония заключения союза между двумя отдельными людьми, а как залог продолжения национального существования в целом, то замысел Казакевича находил в этой сцене свое логическое завершение. На фоне веселого, легкого и полного юмора сюжета совершился важный национальный акт: дочь доярки и пчеловода — олицетворение текущей молоком и медом биробиджанской земли — заключила священный союз с призванным возделывать эту землю молодым и красивым агрономом, в образе которого выступает обновленный еврейский народ. Именно об этой «подкладке», свойственной, собственно, всему творчеству Казакевича, писал через много лет режиссер Моше Гольдблат в воспоминаниях, опубликованных в журнале «Советиш геймланд» в 1966 году: основную тенденцию пьесы Казакевич выразил в «подтексте, во втором плане, между строк», наполнив её «философским оптимизмом, непосредственностью, простодушной народностью и полным очарования шолом-алейхемовским юмором».

Казакевич настаивал на аллегорическом прочтении «Молока и меда». Впервые увидев постановку во время гастролей Биробиджанского театра в Киеве летом 1940 года, он призвал актеров усилить трактовку главных героев как «людей будущего, а ни в коем случае не в бытовом плане». Прозрачную интертекстуальность своей комедии Казакевич даже не пытался

завуалировать, подав её совершенно открыто как иронию и противопоставление нового образа жизни ветхим традициям. Примечательна символичность имен: имя невесты «Люба», любовь, отсылает зрителя к любовному дискурсу «Песни песней»: «Невеста, молоко и мед под языком твоим...» (Песнь песней, 4:11), одна из традиционных трактовок которой — любовь народа Израиля к земле Израиля. Имя же жениха, Яша, не оставляет места для сомнений в том, что речь идет одновременно и о праотце, и о собирательном образе еврейского народа — Якове-Израиле.

Казакевич был не одинок в своем мифопоэтическом использовании традиционного материала в применении к биробиджанской тематике. Помимо излюбленной биробиджанской литературой темы пчеловодства и меда, символизирующей аутентичное национальное существование, особая связь между биробиджанской землёй и евреями метафорически «закрепляется» веселой свадьбой и в известном стихотворении Ицика Фефера «Свадьба в Биробиджане» («Khasene in Birobidzhan»), и в пьесе Переца Маркиша «Семья Овадис» («Mishpokhe Ovadis»), и ещё в целом ряде произведений. Таково и прочтение иллюстрации Марка Шагала к вышеупомянутому стихотворению Фефера.

Ироническая параллель с библейским контекстом проводится в «Молоке и меде» не украдкой, а на совершенно законном основании. Как с пафосом писал в «Биробиджанер штерн» уже упомянутый Фридман, «легендами о стране, текущей молоком и медом, кормили еврейский трудовой народ в течение поколений фальшивые утешители и обманщики. Настоящую родину, страну изобилия, страну молока и мёда еврейский народ получил от партии большевиков, от великого Сталина в братской сталинской семье СССР. О ней, о юной еврейской автономной области, расцветающей под лучами сталинской Конституции, и рассказывает спектакль «Молоко и мёд». Так его и воспринимает зритель».

Марк Шагал, «Биробиджанская свадьба»
(иллюстрация Марка Шагала «Khasene in Birobidzhan» к сборнику стихов
Ицика Фефера «Heymland» — «Родина»: Нью-Йорк: ИКОР, 1944)

Фридману вторит и рецензия в украиноязычной «Литературной газете» киевского еврейского писателя Мотла Талалаевского, посмотревшего пьесу во время гастролей театра: «Вековая мечта о стране молока и мёда осуществлена под солнцем Сталинской Конституции. На Дальнем Востоке растёт и цветёт еврейская автономная область». Выставление Биробиджана новым Израилем не вызывало пока никаких идеологических возражений: решительный бой еврейскому «национализму» и «космополитизму» будет дан лишь через 10 лет.

Критика оптимистически предсказывала несколько плакатной пьесе Казакевича неременный успех, однако на сцене других театров она так не пробила — то ли из-за слишком уж локальной специфики, то ли, что более вероятно, из-за начавшейся вскоре войны с нацистской Германией. Единственной памятью, которую оставила после себя пьеса Казакевича, стала шуточная песенка «Жужжат пчелы» («Zhumen binen»), посвященная трудовым пчелам пасечника Шаи Кавалерчика. Эта песенка на музыку композитора Льва Ямпольского, которому в свое время было заказано музыкальное оформление пьесы, была растиражирована на пластинках уже после смерти Казакевича в исполнении Марины Гордон.

В своих воспоминаниях Гольдблат рассказывает о жарких спорах в кулуарах БирГОСЕТа по поводу широко прокламируемого принципа социалистического реализма. Естественно, речь шла о путях реализации на еврейской сцене проблемной формулы: «национальная форма» при «социалистическом содержании». Это весьма занимало режиссера и его окружение. Любивший эпатаж и смелые аналогии Казакевич процитировал тогда в собственном поэтическом переводе отрывок из знаменитого видения пророка Иезекиеля (Иезекииль) о восстании из мертвых: «...вдруг над всей долиною разнесся страшный шум, кость с костью начала сходиться и обрастать жилами и кожей, но дыхания жизни в

них не было. Повелел мне Господь Бог: иди и скажи дыханию жизни, пусть прилетит на всех четырех ветрах и оживит кости!.. И когда появилось в них дыхание жизни — почувствовали они в себе силу и встали на ноги, и зашагали неисчислимым мощным полчищем...» (Иезекииль, 37:1—11). Выхолощенная форма, резюмировал Казакевич, точно как иссушенные кости, содержание — это дыхание жизни, о котором говорит древний пророк. В этом ключе и нужно рассматривать первый и последний удавшийся опыт Эммануила Казакевича в драматургии.

Шуламит Шалит

«АДМИРАЛ ОКЕАНА»

(ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ И ЕГО ПЬЕСА О КОЛУМБЕ)*

«Действие происходит в кордовской таверне. Внизу — вход и стойка хозяина. Наверху, на галерее — комната. На кровати лежит одетый Висенте и играет на гитаре. *(Скоро войдёт будущий великий путешественник, а пока — составитель и продавец морских карт Христофор Колумб.)*

Висенте *(поёт):*

Роза, сладостная роза,
Ты цветёшь на пышной клумбе,
Лепестки твои сияют,
Соловей тебе поёт.
А цветочки полевые,
Утренней росой умыты,
И просты и безмятежны,
И люблю я их вдвойне...

(Но его пению помешали...)

Ах, вот и мой сумасшедший сосед.

— Где вы пропадали так долго, сеньор чужеземец? По вашему виду я определяю, что обедали вы лепестками роз и закусывали прекрасным юго-восточным ветром...

Колумб: Обедал я испанской ленью и закусывал андалузской мессой. Я по горло сыт кастильской щедростью и арагонской добротой.

Висенте: Много продали своих морских карт, сеньор чужеземец?

* Впервые опубликовано в сетевом альманахе «Еврейская старина» (ред. Евг. Баркович), № 1(68), январь—март 2011 г. Воспроизводится с разрешения автора. — *Ред.*

Колумб: Ни одной, сеньор туземец. Ни одной. Кордова не интересуется космографией.

Висенте: Эх, такому бедняку, как вы, переменить бы своё ремесло. Посмотрите на меня — чем мне плохо? Я, гидальго Висенте де Лаберка ла Мантилья и Вильехо, андалузец, занимаюсь более прибыльным ремеслом, мой милый. Ночное ремесло — самое лучшее в благословенной Андалузии. Даже при наличии Святой Германдады, чтоб они подавились. И чего это вас так тянет в море, милейший?

Колумб: Это моё ремесло, дон вор. Ваше ремесло — ночное, моё — морское.

Висенте: Не хотите ли вы стать адмиралом? Вот это дело прибыльное. А продавцом этих карт... Знаете, я тут почитал ваши книги... Забавно пишут. Здорово врут...

Колумб: Адмиралом?... Пожалуй... Да, я буду адмиралом, и очень скоро...

Но что это? Трубят трубы, на улице барабанный бой, крики и шум. Проходят войска, цокают копыта. Колумб бросается к окну... Это то, что ему нужно. Весь двор во главе с королём Фердинандом и королевой Изабеллой прибыл в Кордову. Но как к ним пробиться? Как изложить свой план? Как получить их благословение, а главное, деньги? Деньги ему нужны, корабли... каравеллы».

Так кончается 1-я картина 1-го действия пьесы Эммануила Казакевича «Адмирал океана», пролог мы опустили, вернемся к нему позднее...

О чем речь? Какая пьеса?

О существовании этой рукописи мне довелось узнать, как ни странно, раньше не только его дочерей, Ларисы и Оли, но даже вдовы Эммануила Казакевича, покойной Галины Осиповны (1913—2001). Оля жила в Израиле давно, мы не были знакомы, а Лариса с сыном и дочерью приехали на пике алии 1990-х. Познакомились мы в библиотеке, где я работала. Ляля (так ее звали с самого детства) пришла с сыном, а потом

оказалось, что и живем мы через дорогу. Как-то раз дверь мне открыла не она, ее не было, а Галина Осиповна, вдова Эммануила Казакевича. Я не знала о ней тогда ничего, не знала даже, что она жива, ведь Казакевич-то умер давно, лет тридцать назад. Она удивила меня уже тем, что открыла дверь, не спросив, кто за ней стоит. На высказанное вслух удивление я получила не короткий ответ, а целую историю.

«Мои страхи давно закончились, — спокойно сказала Галина Осиповна. — В 1951 году, когда мы переехали с Беговой в Лаврушинский, как-то утром приходит поэт Заболоцкий. Казакевич хоть и удивился столь раннему визиту, но бутылку на стол поставил. И тут, подняв глаза к потолку, Николай Алексеевич громко произносит тост за Сталина! Заболоцкий отсидел в сибирских лагерях почти восемь лет, и хотя уже пять лет был на свободе, страх, понимаете, не проходил. Стен боялись. Вот таким утренним тостом за вождя, поднимая глаза к потолку, серьезный поэт, умный человек, но пребывающий в страхе недавний узник убеждал КГБ в своей лояльности! А сейчас какие могут быть страхи...»

Мне нравилось ее слушать, я видела, что ей милы ее воспоминанья. Однажды разговор зашел о рукописях Казакевича.

Нет, Галина Осиповна ничего не привезла с собой. После того, как все, что хотела, удалось издать, а рукописи мужа привести в порядок, она отдала их в РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) и сочла, что ее миссия в России окончена. Поэтому и приехала к детям в Израиль.

Но в одной из наших бесед Галина Осиповна обмолвилась, что какие-то тетрадки, листочки с записями оставались у старшей дочери, любимой всеми покойной Жени и, возможно, сохранились у внука, живущего в Москве. И она дала мне его адрес и номер телефона. Едва ли я стала бы ему звонить или писать, но буквально через несколько дней мой друг, поэт и

бард Гершон Люксембург, сказал, что едет в Москву, у него там авторские концерты. Не веря, что из этой затеи что-то получится, я все-таки продиктовала номер телефона... Но надо же знать Гришу! Он встретился с внуком Казакевича, что говорил ему, не знаю, но тот согласился отдать эти «тетрадки и листочки» и сам привез их. Но об этом я узнаю потом. А пока что, в своей вечной занятости, я почти забыла об этой истории. И вдруг звонок из Иерусалима... Пакет прибыл!

Умирая от волнения, как великую драгоценность держу в руках небольшой, тщательно заклеенный со всех сторон сверток. Что делать? Этично ли мне открыть его? Звоню Галине Осиповне, все рассказываю, и она легко и просто, как добрая волшебница, разрешает мне открыть пакет! Как будто платочком махнула! Осторожно, с одного боку, надрезаю бумагу... Множество в беспорядке сложенных один на другой листочков, без всякой описи. И тут глаз мой упал на картонную папку с надписью «Адмирал океана. Наброски. Незаконченное произведение, 40—41-й год».

С волнением развязываю тесемки. Папка старая, то ли темно-желтая, то ли светло-коричневая, и эти тряпичные ленточки-тесемочки...

Но минуту терпения. Недавно Ляля передала мне оригинал: четыре странички письма ее отца, Эммануила Казакевича, его отцу — Генриху Казакевичу. Дата отсутствует, но по фразе «Уже пять лет, как тебя нет» мы понимаем, что письмо было написано в конце 1940-го или в начале 1941-го, ибо Г. Казакевич умер в 1935-м. Приведем только фрагмент по нашей теме.

«Письмо моему отцу на тот свет:

...Сейчас я работаю над пьесой. Представь себе — трагедия, и представь себе — о Колумбе, и называется она «Адмирал океана»... Хотелось бы на какое-то время отойти от сегодняшнего дня. Почему о Колумбе? Этого я не знаю — во всяком случае, источника этого.

Я хотел написать небольшую поэму о Колумбе в октавах, читал много ради этой поэмы, и мне пришло на ум, что: мне удалось доказать, что люди — идиоты (скоты), если до сих пор ни один писатель не написал на такую драматически-замечательную и исторически благодарную тему, как дон Христофор Колумб, и они недостойны стоять у “восточной стены”¹. Я также понял, что если бы Шекспир жил несколько позже и понял бы, что Колумб, зная о том или не зная, сделал (сотворил, совершил), и если бы он знал биографию Колумба, то уж он как раз бы непременно о нем написал! Колумб — шекспировский характер в чистом виде, и его биография — шекспировская биография.

Правда, несколько позже, когда я в Ленинской библиотеке стал рыться в литературе о Колумбе, я несколько повысил свое мнение о пишущей части человечества, тем самым несколько снизил мнение о себе самом. Именно о Колумбе имеется пьеса. И написал ее не кто-нибудь, а сам великий Лопе де Вега. Пьеса называется “El nuevo mundo descubierto por Cristóbal Colón” (“Новый свет, который открыл Кристобаль Коломб”) — коротко и ясно. Меня это вначале немного испугало — этой пьесы нет ни на русском, ни на немецком. Тогда я взял испанского Лопе — чтоб он лопнул вместе с его испанским! (языком) — и испано-русский словарь и сидел, и читал, переводя каждое слово. Было два возможных результата: или я прочту пьесу, или стану полным идиотом. Я избрал середину: прочитал только полпьесы и сделался полуидиотом. Но даже в моем полуидиотизме я понял, что пьеса слабая, из наихудших вещей Лопе, которую он сотворил наспех, тяп-ляп, по-видимому, к какому-то юбилею (вообще он был изрядным халтурщиком). Эту пьесу печатают в “Приложениях” к произведениям Лопе де Вега. Среди персонажей имеются:

¹ По еврейской традиции место у восточной стены в синагоге считается наиболее почетным. — Прим. автора.

Фантазия; providencia; diablo и еще кое-кто из символических фигур, так что после каждой из них с моей души падал еще один камень, и на душе становилось все легче, особенно после того, как я обнаружил у Лопе индейцев, произносящих длинные патетические испанские монологи, как Сид Компеадор²!

Короче говоря, я успокоился и только тогда начал писать. Как идет работа, я расскажу тебе в следующий раз...»

Думается, что письмо написано все-таки в первые месяцы 1941 года, потому что в другом месте Казакевич пишет о том, что в мае ждет выхода своего романа. Надо полагать, что имелась в виду большая поэма на идише «Шолэм ун Хавэ» («Шолом и Ева»), которая действительно увидела свет в мае 1941 года. Но вскоре началась война, Казакевич тут же вступил в ополчение, всю войну провел на фронте, и никакого «следующего раза» не случилось. Ни писем к покойному отцу, ни продолжения работы над пьесой «Адмирал океана»...

А пьеса о Колумбе обещала быть интересной, яркой, с живыми диалогами, умными, острыми монологами, но, увы, однажды, и мне почему-то представляется, что это было ночью, когда и думалось и писалось легко и быстро, автор внезапно оборвал себя на полуслове... И не только не возвращался больше к рукописи, но и убрал ее с глаз долой.

Еще один случай «спуска под воду»? Понятно, что война помешала, а потом? Мог ли кто-то после войны, а потом и в годы космополитизма произнести со сцены реплику одного из персонажей пьесы: *«Наш король любит сначала высоко возносить человека, а затем еще выше — на виселицу»?*

7 января 1950 года он в последний раз записывает для себя: «Закончить “Колумба”», но так и не вернется к пьесе, хотя и не уничтожит уже написанного, как сделает это, опасаясь возможности обыска и ареста, с повестью «Донос», от которой

² Сид Компеадор, или Великий Сид — легендарный полководец, герой Испании, отвоевавший Валенсию от арабов. — *Прим. автора.*

остался только маленький, в три странички, набросок. Считалось, что и рукопись «Колумба» пропала!

Но вот она — рукопись! На первой странице написано: «Трагическое представление в двух частях, девяти действиях». Часть первая: ТЕРПЕНИЕ (в 5 действиях); Часть вторая: СВЕРШЕНИЕ (в 4 действиях).

В процессе работы «действия» сменились «картинами». Сохранились: пролог в 13 страниц и первые четыре картины, всего 38 страниц. Но есть и описание 3 действий по 4 сцены в каждом, и рисунки, и библиографические заметки. Вот и все.

Мы знали Казакевича как автора книг «Звезда», «Двое в степи», «Весна на Одере», «Сердце друга», «Дом на площади», «Синяя тетрадь», рассказов «При свете дня», «Приезд отца в гости к сыну». В 3-м томе собрания сочинений, вышедшем в 1988 году, почти 250 страниц занимают тексты «Из дневников и записных книжек». В сборнике «Слушая время»³ к дневникам и записным книжкам были добавлены и 300 страниц писем Казакевича — родным, друзьям, в журналы, газеты, различные инстанции. Все это вышло благодаря колоссальным усилиям преданной Галины Осиповны.

Казакевич родился в 1913 году, умер в 1962-м, когда ему не было еще 50 лет. Прожил недолго, немного, но, казалось бы, какая счастливая судьба — и творческая, и человеческая. В 30-е годы не задело — молод был, уже не в Биробиджане, но еще не слишком заметный в Москве. По-своему повезло и отцу — Генриху (Генаху) Львовичу, — еврейскому журналисту, публицисту, критику, педагогу. Будучи редактором областной газеты на идише «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»), а потом и членом обкома партии, он умер скоропостижно, 52-х лет, в 1935 году.

Через полтора месяца умерла и нежно любимая Эммануилом Казакевичем мать.

³ Казакевич Э. Г. Слушая время: дневники, записные книжки, письма. М.: Сов. писатель, 1990. — *Прим. автора.*

Э. Казакевич

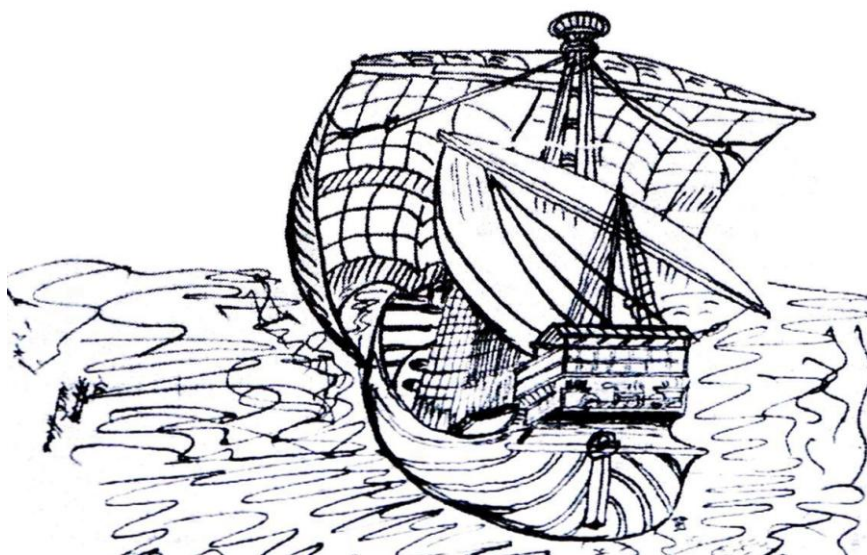
Адмирал океана

Трагическое представление в двух частях,
двенадцати действиях.

Часть первая: Терпение (в Гринеции)

Часть вторая: Мученичество (в Чокке)

Э. Казакевич, «Адмирал океана» — первая страница рукописи

Рисунки Э. Казакевича на страницах рукописи его пьесы «Адмирал океана»:
герб Колумба, корабль Колумба

Действующие лица :

Кристофор Колумб
 Бартоломеу, брат его
 Диего, его сын
 Рамиро Монтему, его жена
 Беатриса Энрикес де Арагон, его влюбленная
 Фердинанд, ~~король~~ Арагонский, король Испании
 Изабелла Кастильская, королева Испании
 Педро Гонталес де Мендоса, великий кардинал Испании
 Эрнандо де Талавера, духовник королевы
 Диего де Деса, доминиканец, инквизитор
 Хуан де Каблера, камергер короля
 Алонсо де Кинтана, канцлер Кастилии
 Луис де Салквельс, канцлер Арагона
 Маркиза де Моша { придворная дама королевы
 Хуана де ла Торре {
 Хуан Водригес де Ронсека, архидиакон Севильи
 Франсиско де Бобадилья, командор ордена Колумба
 Хуан де Тена, врач
 Хуан Перес де Марте, настоятель монастыря Санта Мариа ла Рибейра
 Рамон Кло, придворный поэт
 Лазаро, хор.
 Мартин Алонсо Пинсон { брат, мореход
 Висенте Пинсон {
 Родригес, брат в Палосе
 Гомес, канцлер в Палосе
 Мишэль Диас, оруженщик
 ? Туканатары, кацик на Канарских
 Португальский канцлер
 Португальский мореход
 Венецианский канцлер
 Французский канцлер
 Донс Лобриа { кордовские
 Донс Солс { и божанки
 Дон Педро { иудеи
 Дон Гарсиа {
 Первый мавр
 Второй мавр
 Торрес, еврей-переводчик.
 Санта, мореход, придворные, монахи, мавры, евреи,
 индейцы, презвитеры, кассис, граждане Кордовы, кощеники
 на Канарских

Э. Казакевич, «Адмирал океана» — действующие лица

Так что для тех страшных времен всем повезло. Доживи старший Казакевич до 1937-го, не сносить бы ему головы... Младший же, Эммануил Казакевич, вовремя уехал из Биробиджана, где тоже стал заметной фигурой, в Москву, где его почти не знали. Галина Осиповна сказала: «Не заметили». Потом война. А в 1949-м, страшном для еврейской культуры году, опять пронесло. Два года назад вышла «Звезда» недавнего фронтовика Э. Казакевича, одна из первых и лучших книг о недавно закончившейся войне, которую он начал простым бойцом, а закончил, после нескольких ранений, помощником начальника разведотдела армии, взявшей Берлин. Сталинская премия... Счастливчик...

Но читая его письма и дневники с расстояния в более полсотни лет, думаешь об исковерканной жизни, о великой горечи, о трагедии большого таланта...

Кто из нас в той нашей, первой жизни, в России, знал, что до войны Эммануил Казакевич, так же, как и его отец, писал на идише, его родном языке? Кто знает, что его призванием была драматургия? Тут нет домысла, я знаю это по его записям. Как много этот высокообразованный человек, не закончивший даже техникума, искрящийся жизнью, сверкающий умом, страдал и сострадал, с каким мужеством полтора года боролся за свое детище — альманах «Литературная Москва», безвозмездно, без личной корысти... Я еще помню, как его шельмовали в передовой «Литературной газеты» за нигилизм и ревизионизм... Собственно, ни одна вещь, написанная Казакевичем, не вышла легко, без травли, без крови. Из лагерных воспоминаний Валерия Фрида: «К “идейно порочной” повести Эммануила Казакевича “Двое в степи” мы (Валерий Фрид и Юлий Дунский. — III. III.) отнеслись с симпатией: *“Вопросы чести, совести и долга / Лишь Казакевич ставил иногда. / Боюсь, теперь закатится надолго / Его едва взошедшая звезда: / Он, позабыв, что дважды два — четыре, / С сочувствием писал о дезертире”*». Разве что «Весна на

Одере» прошла полегче, хотя и там были сложности из-за упоминания маршала Жукова.

О многом написано с тех пор, как закончилась земная жизнь Казакевича. Есть чудесные воспоминания Ариадны Эфрон, дочери Марины Цветаевой. С огромной благодарностью относившаяся за помощь ей в разные периоды жизни к Пастернаку и Казакевичу, она записывает: «Необычайно добр и отзывчив был Пастернак, однако его доброта была лишь высшей формой эгоцентризма: ему, доброму, легче жилось, работалось, спалось... Казакевич же помощью своей не свой мир перестраивал и налаживал, а мир того, другого человека и тем самым переустроивал и улучшал мир вообще». Поразительная оценка личности Казакевича! И все-таки его непростая биография и неравноценное творчество еще ждут своего часа и талантливого пера и сердца. Впрочем, недавно прочла написанную с большой симпатией документальную повесть о военном периоде жизни Э. Г. Казакевича (Б. С. Рубен. За своей звездой. «Дружба народов», 2010, № 2). Замечательная повесть...

Судя по записям, Казакевич вынашивал тему о роли и вкладе евреев в мировую и, в частности, в русскую культуру. Галина Осиповна добавит, что не только в культуру, но и «в жизнь России». У меня записано еще одно ее суждение, которое, как мне кажется сегодня, она соотносила и с судьбой Казакевича: «Колумбу не давали ходу, королей надо было убедить, что это нужно им».

Эммануил Казакевич не сумел и не успел намного больше, чем сделал. Этому можно посвятить специальное исследование. «Весь мир кишит сюжетами», — писал он. И вот однажды пришла к нему неожиданная мысль: он должен, он обязан, именно он, написать энциклопедию советской жизни за 25 лет, всего 5 000 страниц. Так он решил. И собственная дерзость и грандиозность задачи ошеломили его. Он считал, что на осуществление его замысла ему потребуется 12 лет жизни. Когда его план романа «Новая земля» созрел, а он полагал, что

это будет лучшая его книга, он снова испытал почти забытое чувство духовной и душевной наполненности, какое бывало только в ранней юности...

«Настало время сдирания шкуры», — пишет он в дневнике в 1951 году. И добавляет: «Хватит ли у меня для этого страсти к мученичеству?» Позади были расстрельный 1937 год, убийство С. Михоэлса в 1948-м, аресты еврейских писателей в 1949-м... Сталин еще жив. Писатели Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Лев Квитко — всех он знал, все бывали в их доме в Харькове, некоторые, как он запишет в дневнике, жили по месяцу, и вот все они исчезли, и никто не знает, что они тоже пока живы, но будут убиты очень скоро, в 1952-м, и что вот-вот начнется «дело врачей». Оставить такую запись в дневнике в 1951 году было опасно, но она есть. Даже много позднее Никита Хрущев заявлял, что «долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером»⁴. А Казакевич: «Настало время сдирания шкуры».

«И горше всего, что он скончался с ключом в руках — это был найденный с тяжкими сомнениями ключ к толстовско-стендалевской традиции, в которой были созданы первые главы “Новой земли”» (В. Каверин).

Прожить бы еще 12 лет — вот о чем тихая мечта Э. Казакевича. Потом он молил судьбу дать ему два года, а потом — хоть один...

«Он умирал от рака и очень хорошо знал это... Он сжал мою руку, загорелую и здоровую, своей жёлтой и слабой рукой, посмотрел на наши две руки и сказал, усмехаясь: «Дружба народов! Европейца и желтого!» Я не решился поцеловать ему руку, чтобы не взбудоражить его» (К. Паустовский).

Все это клокочет во мне, пока я глотаю его горькие записи, черновики мучительных писем в разные начальственные инстанции — и с просьбами о помощи другим, многим, людям, и

⁴ Из речи Н. Хрущева на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 г. («Правда», 26.4.1963). — *Прим. автора.*

по поводу «непрохождения» своих произведений в печать. Есть и частные письма, но и в них — пусть сдержанная, но явно читаемая боль. Вот письмо Твардовскому. Главный редактор журнала «Новый мир» побоялся опубликовать рассказ Казакевича «Враги» (вскоре опубликованный, впрочем, в газете «Известия»), и это Казакевич мог бы понять. Перед тем, как с этой же должности снимут К. Симонова, тот произнесет: «за редакторские поджилки, которые трясутся». Так что и Твардовского Казакевич понять мог. Но как друг — а они были друзьями, уважали друг друга — Твардовский сильно огорчил его, ведь просил же его «не принимать решения о рассказе до встречи», то есть до беседы с ним, Казакевичем.

Из этого письма (это начало апреля 1962-го, а в сентябре Казакевича не станет): «...если бы у нас в стране уже была преодолена аморальность, порожденная сталинским обожествлением насилия... я не стал бы писать этого рассказа». При дружелюбном тоне письма, Казакевич откровенно высказывает все, что думает: «...как это можно не напечатать произведение добросовестного и уже зарекомендовавшего себя писателя? Как можете Вы в этом вопросе идти вразрез со своим собственным стократно выраженным мнением, что нельзя не печатать произведение известного писателя, хотя бы оно и не очень нравилось редактору? Правда, это мнение Вы высказывали тогда, когда сами не были редактором, но это не меняет сути дела. Есть же все-таки что-то странное в том, что Кожевников может не напечатать Тендрякова или Нилина, что Лесючевский, или Кочетов, или Холопов могут не напечатать Пастернака, или Твардовского, или Панову и т. д. И даже в том, что Твардовский, писатель крупный, может не напечатать другого писателя — в этом тоже есть какая-то ненормальность. Ведь я, Казакевич, не могу уже написать нечто неудобопечатаемое, совершенно безнадежное...».

Если подумать, он же поставил Твардовского на одну доску с теми, кто, мягко говоря, тормозил, разрушал, уничтожал

честных и правдивых писателей. Правды ради, Твардовский и после этого письма не перестал любить и уважать Казакевича, об этом можно прочесть в его дневниках...

Я с трепетом вглядываюсь в его почерк, вижу имена людей — писателей, которых он намерен во что бы то ни стало опубликовать в своем альманахе, но и имена тех, других, кто душит, давит, тоже названы...

Считается, что на идише Казакевич писал вплоть до 1941 года, пока не ушел на фронт, и что его первой работой на русском языке была послевоенная повесть «Звезда». Я думаю, историку литературы важно знать, что Эммануил Казакевич перешел в своем творчестве на русский язык еще до войны, задумав написать по-русски о трех личностях, которые притягивали его, — о Колумбе, Моцарте и Шаляпине. И начал он именно с великого мореплавателя.

Раздумья о Колумбе, собирание материалов для будущей пьесы, долгие часы и дни, проведенные в библиотеках, ошеломившие его открытия, пришедшие с прочтением малоизвестных источников, — все это 1939-й — начало 1940-х годов, значит, Казакевичу 26—27 лет! Он взвалил на себя огромную задачу. Когда созрел общий план произведения, когда композиция и основные сюжетные линии пьесы сложились в его голове в одно целое, он сел за работу. Признаться, никогда не представляла себе Казакевича молодым! А он об этом возрасте и времени пишет: «У меня было тогда чувство, что я могу сделать всё, что захочу, какая-то большая мощь была, зрелость мысли...» Писалось ему легко, вдохновенно, даже азартно, в машинописи есть страницы почти без помарок. Так писали немногие, например, Моцарт...

Наша папка раскрыта. На первой странице рукописи написано: «Перед вами пройдет трагедия человеческого терпения...» На второй странице — длинный список действующих лиц. Их 38. Основные — Колумб, его брат Бартоломей, его 5—6-летний сынишка Диего, единственный из

детей, которого он взял с собой, бежав из Португалии в Испанию... Его жена Фелипа Моньиц⁵ — из богатой португальской семьи. Она появляется в прологе, чтобы рассказать предысторию Колумба и излить горечь сердца женщины, не понимающей поступков мужа, горящего какой-то странной страстью: «Об Индии всё говорит». Итак, пролог.

Фелипа приходит на берег моря в поисках мужа и после расспросов (в разговорах принимают участие Матрос, Капитан, 2-й Капитан, Португальский капитан) вдруг видит Бартоломея, брата своего мужа.

Фелипа:

Где брат ваш, мне немедленно скажите...
...Как мог он так бесстыдно
Диего взяв, меня покинуть тайно?
Ведь я не португальский же король,
С которым не поладил он...
Я мать детей его, его жена,
Которой, жизнь навеки испоганив,
Ее теперь покинул он. О, боже!..

Бартоломей:

Сеньора, ваши слезы бесполезны.
Так бесполезны, как мои слова.
Я говорил с ним — хоть без слез, конечно,
Я уговаривал его не ехать
И Португалию не покидать...
...Но коль не вы, так кто же знает лучше
Глухую силу брата моего?
Ту силу адскую, что слушает себя
И больше никого? Ту злую силу,
Что зажигает вдруг его глаза
И делает его почти безумцем,

⁵ Все имена даны по рукописи Э. Казакевича, но надо помнить, что имя самого Колумба и других исторических персонажей имеют в литературе разных стран и эпох и другие написания. — *Прим. автора.*

Как будто в круг волшебный заключив
И отграничив от всего земного?
И вы, жена его, вы знать должны
То чувство странное, что мной владеет,
Когда мой брат в волшебном круге...
То чувство, что испытывает сталь
На компасе, когда немая сила,
Известная лишь богу одному,
Её желанью, воле вопреки,
Её на север тянет...

(Э. Казакевич пишет быстро, чётко и, заметим, хотя и брат и жена Колумба считают его идеи сумасшедшими, именно через их диалог автор точно и красочно формулирует законы вдохновения художника, творца, искателя. Кажется, на данном этапе именно эта одержимость идеей интересна ему в личности героя.)

Фелипа:

...Что у меня ему недоставало?
Он должен быть мне благодарен
За то, что стал известным в Лиссабоне,
Пригрет друзьями моего отца
Отважного, он получил знакомства...
Он губернаторство бы получил
В краях, где солнце греет круглый год,
Где кость слоновая и золотой песок...
Невольники чернее эфиопов...
Но вдруг — не знаю, что с ним приключилось.
С ума сошёл он. Вечером то было.
И вышел он из комнаты своей
(Из Фулы северной как раз вернулся
В ту пору он) и мне сказал: ты слышишь?
Всё ясно мне!
Я в Индии уже!
Затем сидел он ночи напролёт
За книгами. Я слышала оттуда

Как будто возгласы безумца: «Да!
Я всё нашёл! И не песок, а слитки!
Всё золото священного Офира⁶!
В путь, в путь, сеньоры!» Он сошёл с ума,
Решила я и доктора позвала.
Он доктора спустил через окно
И вслед ему кричал: «Клистир поганый!»
Затем исчез он. Целую неделю —
На праздник всех святых то было — он
Блуждал вдали от дома. Наконец
Пришёл обратно — грязный, как бродяга,
И мокрый весь — как раз был час прилива —
И мне казалось, будто сам прилив
Его принёс из глуби океана.
С глазами, как у пьяницы, пришёл он.
И он принёс с собою кучу трав
И толстые куски деревьев странных.
Смотрел на них и начал вдруг рыдать,
Но не от гнева, не от жгучей боли,
Мне неизвестной — нет, от радости рыдал он.
Потом вскричал:
То дерево Лесов Индийских, травы
Страны Чипанго. Это их принёс
Сюда прилив — принёс их не с востока,
Нет, с запада их дальнего принёс!

Радость поиска, творчества, открытий, кажущихся другим безумием!

Как легко перо драматурга Казакевича! Как сочен его русский язык, трудно даже представить себе, что до сих пор он писал (а может быть, и думал?) только на еврейском языке.

Колумб никогда уже не вернется к супруге, и его письма будут только к сыну Диего. С новой возлюбленной, Беатрисой⁷, Колумб знакомится благодаря ребенку. Вот как это происходит:

⁶ Легендарное название копей царя Соломона (Шломо). — *Прим. автора.*

Колумб и Диего, измученные дорогой, ложатся отдохнуть у ворот какого-то дома. До их слуха доносится чудесное пение. Это поет Беатриса. Ее голос обворожил обоих. У Колумба мгновенно созревает план. В хлопотах по добыванию денег он стучался во все двери и, наконец, судьба его сводит — прямо на улице — с казначеями: кастильским — Алонсо де Кинтанилья и арагонским — Луисом де Сантанхелем. Появляется надежда расположить к себе этих состоятельных людей, но что делать с ребенком? И чтобы развязать себе руки, он обращается к Беатрисе, стоящей на своем балконе. Ведь если голос ее так нежен, то и душа, наверное, добра:

Красавица, возьмите вы его.

То сын мой. Он нуждается в услугах,

Которые не в силах оказать я ему теперь.

Я занят. Я прошу вас. Целую ваши пальцы.

Беатриса:

Мой мальчик милый. Как тебя зовут?

— Диего. Это вы недавно пели?

— Я. А отца?

— Что — а отца?

— Зовут как?

— А... Христофор.

— Идём со мною, мальчик.

— Я рад пойти. С отцом мне стало скучно.

Сидим, сидим и ждём. И без конца...

А вы красивая, сеньора...

Вот так проказник купил сердце Беатрисы. А вслед за ним — отец... Кого ещё назвать? Врагов Колумба — командора ордена Калатравы Франсиско де Бобадилья? Он плохо кончит. Архидиакона Севильи Хуана Родригеса де Фонсеку?

О, тут еще и дамы, кордовские горожанки! Знакомьтесь: Донья Эльвира и донья Соль!

⁷ Беатриса Энрикес (у автора Энрикец) де Арана, возлюбленная Колумба. — *Прим. автора.*

Эти дамы вам запомнятся. Они столь же чувственны, сколь и безжалостны. Послушаем реплики, которыми они перебрасываются с двумя гидальго — доном Гарсиа и доном Педро. Дон Педро убежден, что с прибытием двора в Кордове станет весело: «Цвет Испании здесь находится... Сегодня вечером на площади будет костёр. Святая инквизиция сжигает тридцать евреев и пять морисков⁸. Вы будете?» На что донья Эльвира кокетливо и деловито: «Донья Соль обязательно будет. И я с нею. Она не пропускает ни одного костра». Дон Гарсиа: «О, видно донья Соль благочестива», а дон Педро бросает: «И кровожадна...» Чуть позже донья Эльвира торопит подругу:

О, донья Соль! Скорей, мы опоздаем,
А мне так хочется быть впереди,
Увидеть весь костёр как на ладони...

И с той же легкостью и беспечностью они сейчас же перейдут на оценку достоинств их кавалеров.

Понятно, что автору нужны были не только реальные, исторические личности, но и персонажи, которые служили бы не столько для развития действия, сколько для создания атмосферы конца XV века. Средние века. Инквизиция. Костры, на которых сжигают иноверцев. Имена же главных героев, названных Казакевичем, известны в обширной литературе о Колумбе. Отметим только, что, во-первых, сохранились и дневники самого Колумба, и записи многих людей, знавших его лично, живших в его эпоху. Во-вторых, об Адмирале океана не переставали писать все 500 с лишним лет со дня его счастливого открытия берегов Нового Света.

И все это время не угасают споры о родине Колумба и его национальности. Много книг, оригинальных и переводных, и на русском языке. Нас в данном случае интересует, разумеется, библиография, составленная Казакевичем. Тут книги на русском, немецком, английском, французском, испанском...

⁸ Мориски — мусульмане, обращенные в христианство, но тайно исповедовавшие ислам. Преследовались инквизицией. — *Прим. автора.*

Уже упомянутая драма Лопе де Вега «Христофор Колумб, или открытие Нового Света», драма Луи Жана Непомюсена Лемерсье (у Казакевича написано, что это комедия) «Христофор Колумб», перевод книги Ламартина «Коломб» 1854 г. Тут и Катехизис, и Коран, и книга А. Газо «Шуты и скоморохи всех времен». Спектр интересов Казакевича очень широк. Наряду со специальной научной литературой об истории инквизиции, о войнах его внимание привлекают и книги по географии, и исторические обзоры нравов... В этом списке и книга Д. Н. Анучина «О судьбах Колумба как исторической личности и о спорных и темных пунктах его биографии». То есть Казакевич знал многое из того, что от нас, простых советских смертных, было скрыто. Одним из «темных» пунктов биографии Колумба считалось предположение о его еврейском происхождении.

Разумеется, Казакевич знал стихотворение В. Маяковского «Христофор Колумб», написанное еще в 1925 году, с эпиграфом «Христофор Колумб был Христофор Коломб — испанский еврей», но источник поэта был так неконкретен и расплывчат: «Из журналов».

Читал Казакевич и дореволюционную Еврейскую энциклопедию. «В заседании мадридского географического общества ученый Don Celso Garcia de la Riese в своем сообщении о жизни и деятельности К. указал на то, что Христофор Колон (Colon), а не Колумб, как неправильно произносят, был испанцем, а не итальянцем, причем со стороны матери происходил из евреев. На основании епископских актов в Понтеведре (провинция Галисия) установлено, что между 1428 и 1528 гг. в этом городе проживало семейство Колон, члены которого вступали в брак с членами семейства Фонтерозас, несомненно, еврейского происхождения. Мать К. называлась Сусанна Фонтерозас. Гарсия указал также на то, что в своих сочинениях К. пользовался еврейской письменностью. Судя по ранним портретам, черты К. носят еврейский тип» (издание

издательства Брокгауз и Ефрон и Общества для научных еврейских изданий, том 9, 1911 г.).

Некоторые ученые, например Сальвадор де Мадарьяга, да и другие считают, что Колумб был выходцем из семьи маранов⁹, бежавшей в конце XIV или в начале XV века из Испании в Италию.

Но мне кажется, что самое большое впечатление на Казакевича произвели два факта: то, что сам Колумб считал себя потомком царя Давида, и то, что на листочках, исписанных его рукой, стоял каббалистический знак из двух букв — *бет* и *зей* (ב"ה) (Барух га-Шем) — благословение Всевышнему... И в рукописи Казакевича, где-то ночью, я вдруг замечаю на одном листе какой-то знак, будто вензель из двух букв, а на другом он записывает на идише название своей пьесы «Дэр адмирал фун океан».

Сам Колумб скрывал больше, чем рассказывал, да и рассказы его были полны многих загадок, как и записи в дневниках, и даже его подпись — криптограмма с мистическими, а может быть, каббалистическими знаками. Сесиль Рот, например, расшифровывает эти знаки как Шавит и Адонай — ивритские имена Бога...

Женщина по имени Беатриса, не только пригравшая маленького Диего, но и родившая Колумбу еще одного сына, Фернандо, — тоже из маранов. А этот Фернандо напишет потом биографию отца, где прямо скажет, что Колумб происходил из «царского дома в Иерусалиме». В знании Колумбом Танаха сомневаться не приходится, ибо ссылки на него в его дневниках повсеместны, хотя это, конечно, не аргумент, Библию знали все... Но в фрагментах, цитируемых по одной из книг Колумба, а именно по «Книге Пророчеств», Казакевич находит утверждение, что «ключом к его экспедиции является стих

⁹ Мараны — евреи, официально принявшие христианство, но тайно исповедовавшие иудаизм. Подвергались преследованиям инквизиции. — *Прим. автора.*

псалма “Кто даст с Сиона спасение Израилю”», а зачем бы не еврею заботиться о спасении Израиля?

Известно, что евреи покинули Испанию 31 июля 1492 года. На самом же деле, несмотря на то, что эта дата упомянута во всех учебниках, им пожаловали как великую милость еще два дня. И суда их раскачивались в порту рядом с готовыми к отплытию, только в другую сторону, тремя кораблями Колумба. Экспедиция Колумба была назначена на 2 августа. Почему, спрашивает вместе с учеными людьми, знающими еврейские традиции, и писатель Сесиль Рот, он перенес отплытие на 3 августа? Не потому ли, что 2 августа был черным днем — днем еврейского траура, 9-м днем месяца Ава (тиша бэ-Ав) — днем разрушения Второго Храма? И, кстати, только евреи называют Второй Храм *Вторым Домом* (Байт шейни) — как это делает и Колумб, он так и пишет: «Со дня разрушения Второго Дома...», в то время как нееврейский мир пишет о том же событии «Разрушение Иерусалима», «Падение Иерусалима». Любопытно! Испанец Мадарьяга утверждает, что Колумб знал ивритские буквы... Вот и в набросках Казакевича я вижу отдельные слова, написанные еврейскими буквами, как бы для себя.

Прощаюсь на какое-то время с Казакевичем и начинаю сама собирать материалы о Колумбе. Интересно, а что написано о нем на иврите?

С удивлением нахожу книгу знаменитого «охотника за нацистами», легендарного Шимона Визенталя (1908—2005), которая называется «Мифрасей тиква» (полное название в переводе на русский «Паруса надежды. Тайная миссия Христофора Колумба», Иерусалим, 1992). И подзаголовок: «Были Колумб евреем?» Среди приведенных Визенталем фактов интересен следующий: к 500-летию экспедиции Колумба католическая церковь намеревалась возвести его в ранг святого. В последнюю минуту это решение не было принято. Почему? Потому ли, что и в хранящихся в Ватикане бумагах нашли какие-то «изъяны» и «темные пятна»? Но к

документам Колумба знаменитого Визенталья Ватикан не допустил! В своей книге Визенталь проводит неожиданные психологические параллели между характером и поведением Колумба и несчастных беженцев, жертв фашистских преследований, прибегавших ко всяческим уловкам, чтобы скрыть свое происхождение. И таких Визенталь перевидал во множестве. Ему ли не понять Колумба, жить которому выпало в период инквизиции?..

Предполагаю, что в начале работы Казакевича привлекла просто личность мореплавателя Колумба, но открывшиеся факты, «подозрительные» детали биографии, вполне вероятное еврейское происхождение Колумба остановили его перо. Слишком страшное время стояло во дворе, чтобы новый этап своей жизни — в столице, новый виток своего творчества — свою первую большую работу на русском языке — начинать с опасной темы. Казакевич был умен, знал, что он хочет сказать, и талантлив — умел сказать. И говорил...

Кто больше всех помог Колумбу и морально, и финансово? Сантанхель! Именно в уста Сантанхеля, новообращенного еврея, верившего, что Колумб найдет на свете место, где их сородичам и вечным странникам жить станет безопасно, вложены такие поразительные и неосторожные слова:

Да, время страшное, и в это время

Великие деянья невозможны...

И трудно жить, и...

ладно,

я пошел...

Сантанхель замолкает.

Возможно, Казакевич проговаривает эту реплику вслух. Да, время страшное, столько людей, и его знакомых тоже, арестовано. Были и нет их. Жизнь проходит в страхе. Но одно дело думать, другое — записать свои мысли на бумаге. Никакой цензор, да просто никто не поверит, что это мысли какого-то

министра финансов Арагона Луиса де Сантанхеля пред ликом инквизитора Торквемады, а не советского писателя перед лицом злопамятного, ничего не прощающего вождя. Надо менять тему, черновик — тоже улика. А рука, как будто преодолевая всякий страх, дописывает: «В стенах и плитах этих городских / Мне чудятся всё уши Торквемады!»

Вот, написал!

Ну, написал, и кто-то сможет, кому-то дадут произнести такой монолог со сцены?

Раздумья становились все более мучительными. Говорить о загадках Колумба, не затрагивая, обходя острые вопросы, нельзя, врать он тоже не может. Тема явно становилась слишком опасной. Продолжать писать неразумно. Сжечь написанное — жаль. Твое творение как твое дитя, но даже держать рукопись дома неосмотрительно.

Казакевич складывает листы начатой, уже такой любимой, но не имевшей права жить, а потому и недописанной пьесы, в папку и отдает на хранение старшей дочери Жене. И как хорошо, что рукопись не выбросили, когда старшая дочь умерла! Это было в 1972 году, Жене было только 36! Сегодня мне думается, что если бы Казакевич вернулся к теме Колумба, как и собирался, после войны, он не смог бы избежать параллелей не только между средневековым клерикализмом и советским режимом, но и между испанской инквизицией и еврейской Катастрофой. Как все же круто мир перевернулся. Сегодня, открывая книгу Эммануила Казакевича или книгу воспоминаний о нем, всякий подумает: вот Казакевич — хороший русский писатель, умный, талантливый. Но он ведь был еврей. А что, еврейская тема его не интересовала? Не занимала? Оказывается, занимала — и очень, просто при советской власти мы этого не знали.

Еврейскую тему в творчестве Казакевича перечеркнула не только война. Большой кусок биографии Казакевича пришелся на жизнь в Биробиджане. Лариса Казакевич говорит: «Отец был

не из тех, многих, которые искали там лучшей жизни, он поехал туда 17-летним, из теплого и благополучного родительского дома в Харькове, поехал один, приняв всем сердцем лозунг “Еврей на земле”».

Евреи сами, на своей земле, построят дома и заводы, сами проложат первые борозды, сами посеют и пожнут! Романтики с горячими еврейскими сердцами! Одни устремились на Ближний Восток, в Палестину, другие — на Дальний Восток, в Биробиджан. В принципе, ведомы они были одной идеей — создать свой дом, свой очаг, но одни на языке иврит, другие — на идише. Новизна увлекала, завораживала своим почти библейским пафосом.

В 20 лет Эммануил уже был начальником строительства биробиджанского Дома культуры. Но он не только «начальствовал»: сам и глину месил, и кирпичи таскал. Случилось так, что когда здание построили, оно было передано Биробиджанскому еврейскому государственному театру, и тогда Эммануил Казакевич стал директором этого театра. А до того поработал еще и в колхозе — был его председателем. И, как уже сказано, именно он приехал в Биробиджан первым, родители поехали вслед за ним.

Жизнь еврейскую Казакевич строил с энтузиазмом, писал на еврейском языке с радостью, и публиковался, и цитировался, словом, личностью в Биробиджане стал довольно заметной. Так что большое счастье, что вовремя уехал... И что, провоевав всю войну, вернулся живой и написал несколько хороших книг, и что не пришлось изведать тюрем и лагерей — тоже большая, немислимая удача.

Для того, *что* и *как* он хотел сказать, так и не настало время. Странно, но только сейчас мы узнаем, что и с еврейским языком он хоть и расстался, но порвал не полностью, просто печатался не в Союзе... Интересующимся могу сообщить, что повесть «Звезда» в авторском переводе на идиш была опубликована в варшавской газете «Фолксштимэ» («Глас народа»), там же — его переводы стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского. А авторский, заметим,

вариант романа «Весна на Одере» на идише вышел в 1950 году в Уругвае! И он не только переводил свои произведения на идиш, но — признаюсь, узнала об этом с удивлением — в конце 1950 — начале 1960-х годов писал на еврейском языке статьи и критические заметки сразу для нескольких польских изданий.

Мы все-таки дожили до поры, когда всем и каждому разрешено — и даже вслух — любить свой народ. Как раз отказываться от самого себя стало дурным тоном. В жизни Эммануил Казакевич никогда не скрывал своей национальности. А в творчестве? В другое время, в другом мире Эммануил Казакевич мог бы стать большим еврейским писателем. Он знал свой народ, был его частицей, но в его время еврейская муза была обречена, он пришел или слишком поздно, или слишком рано, ощущал свой талант, а молчать 30 лет не мог себе позволить. Это означало бы домолчаться до смерти, ибо было ему отпущено творить только 30 лет.

Его дочери Ляля (Лариса) и Оля в Израиле. Внук отслужил в Армии обороны Израиля. Он не только говорит на иврите, но и переводит с иврита и на иврит, стал известным журналистом и экономическим обозревателем на телевидении. И это тоже штрихи к недописанной пьесе...

Светлана Скворцова

ДОКУМЕНТЫ ЭММАНУИЛА ГЕНРИХОВИЧА КАЗАКЕВИЧА В ФОНДАХ ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Семья Казакевичей жила в Харькове. Отец Генрих (Генах) Казакевич был опытейшим журналистом, редактором первого еврейского журнала «Ди ройте велд» («Красный мир»), первой на Украине ежедневной газеты на идише «Дер Штерн» («Звезда»), работал в издательстве «Литература и жизнь». Идея переезда семьи в Биробиджан принадлежала сыну — Эммануилу.

«Только там мы можем расправить крылья» — уверенно говорил он товарищам. Что стояло за этим? Разумеется, идея создания советской еврейской литературы на идише! Приехав на землю Биро-Биджана в 1931 году, восемнадцатилетний Эммануил сразу проявил свою неповторимую разносторонность интересов и неуемность. Проработав около 2 лет председателем колхоза в Валдгейме, он был приглашен директором еще не существовавшего областного драматического театра. Мне хотелось бы сказать несколько слов об этом периоде пребывания Казакевича в Биробиджане.

В Москве он подружился со знаменитым Соломоном Михоэлсом — мастером и новатором театра, быстро нашел с ним общий язык, и выпускной курс студии Михоэлса образовал ядро нового творческого коллектива. Вот как вспоминает о Казакевиче Борис Герцберг, который провел год в Биробиджане по направлению ЦК ВЛКСМ для работы по созданию и укреплению комсомольских комитетов во вновь создаваемых районах области. «В один из ноябрьских дней в училище появился молодой человек лет 20, одетый в длиннополую шинель и фуражку защитного цвета. Роговые очки, на боку

полевая сумка. Он представился: “Казакевич Эммануил Генрихович. Утвержден Далькрайисполкомом на должность директора Биробиджанского театра. Имею небольшой опыт руководящей работы”».

Недолгий срок — 2 года в должности директора. А сколько теплых воспоминаний о нем актеров! В краеведческом музее ЕАО хранится небольшая подшивка израильской газеты «ОКНА» за 1999 года с воспоминаниями о Казакевиче Иосифа Гросса (Штофенмахер, а в книге «Воспоминания о Эм. Казакевиче» 1984 года он И. Колин).

«Этот кажущийся неземным юноша в кожаной куртке, голова которого, казалось, всегда в сфере поэзии, должен был организовать технические цеха, должен был доставать в довольно сложное время 1933 г. гвозди, тес, материалы для костюмов ближайших премьер. Это все была в то время гигантская глыба, поднять которую было очень сложно. Казакевич эту глыбу поднял. Наконец, перевести весь театр из Москвы в Биробиджан, обеспечить и бытово устроить большой коллектив, открыть первый сезон нового театра в новом помещении — это сложнейшая задача и для опытного администратора. А Казакевич эту проблему решил. Решал смело, дерзко и озорно. Не давали вагонов для перевозки оформления. Острый разговор с ответственным товарищем не помог. Тогда Эммануил в его кабинете встал и начал читать свои лирические стихи. Ответственный товарищ оказался любителем литературы. Заявка на вагоны была подписана. Он почти все делал сам. Я не могу вспомнить Казакевича с портфелем. У него не было положенного директору секретаря, к нему в кабинет входили запросто, без стука, без доклада».

Еще одно интересное воспоминание связано с появлением самого имени Гросса. Когда верстали первую афишу театра, Казакевич обратился к Штофенмахеру: «Иосиф, надо подумать о твоём псевдониме. Ну что это за актерская фамилия такая — Штофенмахер? Ты красивый парень, представь себе, что после

спектакля какие-то театральные психопатки начнут тебя вызывать, скандировать, и в зале услышат только последние три буквы твоей фамилии». Тут же придумали псевдоним — Гросс.

Мемуарист пишет: «Великолепно закончив свою миссию как организатор театра, он ушел от нас, подарив нам свой изумительный перевод с немецкого оригинала “Уриэля Акосты” Карла Гуцкова и очаровательную комедию “Молоко и мед”».

В статье Б. Герцберга «Это было недавно, это было давно» есть воспоминания Ефима Львовича Гельфанда, главного режиссера ГОСЕТа. «Летом 1939 г. я встретился с Эммануилом в Москве. Он сообщил, что написал комедию. В один из вечеров состоялась читка пьесы. Скорее, это было проигрывание пьесы в лицах. Мне всегда казалось, что в Казакевиче живет нераскрытое дарование комедийного актера. Он часто с юмором изображал знакомых нам людей, импровизировал, создавая точные портреты. Читая свою комедию, Казакевич эскизно набрасывал интонационный рисунок характеров своих героев. В пьесе было много светлого, жизнерадостного и смешного».

Комедия была написана в прозе, но в патетических местах герои начинали говорить стихами. В пьесе, как и в спектакле, было много лирических сцен, овеянных героикой Дальнего Востока, героикой строительства Биробиджана. Премьера спектакля состоялась в Биробиджане в начале 1940 г. Длительной овацией зал вызывал на сцену автора, но его, к сожалению, уже не было в Биробиджане. Но когда театр гастролировал в Киеве, Казакевич присутствовал на спектакле. Постановка и в Киеве прошла с большим успехом.

Через полтора года поле Эммануила в Биробиджан приезжает его семья: мать (учительница) и отец, который был бесценным кадром для молодой области. Генрих Казакевич возглавляет газету «Биробиджанер Штерн», и его сын Эммануил начинает регулярно публиковать свои произведения — чаще всего стихи на идише. В первом изданном в Биробиджане сборнике стихов «Биробиджанстрой» ощущался необычный стиль

поэта, преобладали емкие и глубокие гражданственные мотивы. Книга была издана в 1932 году тиражом 3000 экземпляров. Этот сборник представлен в краеведческом музее в экспозиции, посвященной образованию ЕАО.

На фотографии «Члены литературной студии ЕАО», которая датируется 1930-ми годами, среди мужчин есть одна девушка — Ася Чернис, выпускница Биробиджанского педагогического училища. На страницах областных газет печатались ее рассказы и стихи. В первом ряду Эммануил Казакевич, во втором ряду Борис Миллер, Наум Фридман, Григорий Рабинков, Сальвадор Борджес.

В фондах музея хранится фотография «Делегаты второй комсомольской конференции ЕАО» 1937 года. Среди них Эммануил Генрихович Казакевич. С этой фотографией связана интересная история.

В 1972 году на имя директора музея Капитоновой пришло письмо от главного редактора журнала «Корреспондент» Николая Дмитриевича Уварова. Этот журнал издавался в Ташкенте (Узбекистан). В письме Николай Дмитриевич просил выслать копию этой фотографии, взамен обещал отправить копию письма к нему Казакевича. Такой обмен состоялся, и в музее появилось письмо последнего года жизни писателя.

В письме, датированном 10 января 1962 года, Эммануил Казакевич благодарит Николая Дмитриевича Уварова за выдержки из дневника 36-го года. Этот дневник напомнил Эммануилу Генриховичу дни молодости на Дальнем Востоке.

«В романе, который я теперь пишу, эти времена — 30 и 40-е годы — будут описаны, в меру моих сил. Будет показана и армейская жизнь мирного времени на Дальнем Востоке, сражение на озере Хасан в 1938 г., война в Испании, финская война. Польская компания 1939 г. и вторая мировая война». Очевидно, речь идет о романе «Новые времена», который так и не был завершен.

Здесь же Казакевич пишет о том, что фотография «Делегаты 2 комсомольской конференции ЕАО» 1937 г. у него не

сохранилась. «Дело в том, что я из Биробиджана уехал в командировку в Москву в начале 1938 г. и больше уже не вернулся обратно. Там, в Биробиджане, остались почти все мои бумаги и вся библиотека. Среди бумаг, вероятно, была и та фотография, о которой Вы пишете».

Среди фотографий еще один снимок: «Академик Кржижановский Г.М. читает Казакевичу Э.Г. свои сонеты. Москва, 1951 г.». Это фото относится к периоду, когда Казакевич работает над книгой «Синяя тетрадь». Это была повесть о В. И. Ленине, за которую автор был удостоен Ленинской премии.

Есть еще один факт, связанный с именем писателя, отражен в маленькой заметке газеты «Биробиджанская звезда» от 2 марта 1983 г. «В день 70-летия со дня рождения Э. Казакевича Министерство связи СССР выпустило посвященный ему художественный конверт с маркой оригинального рисунка. На конверте портрет известного советского писателя, а на рисунке марки — раскрытая книга с памятной надписью, изображение вечного пера и штыка, обрамленных гвардейской лентой, красная звезда и лавровая ветвь». К сожалению, в нашем музее нет этого конверта.

Директор музея Татьяна Дмитриева Косвинцева встречалась с супругой Эммануила Казакевича Галиной Осиповной в Москве в 1989 году. Ее очень впечатлило количество книг в квартире — они были повсюду. Галина Осиповна подарила книгу «Воспоминания о Казакевиче» с надписью «Косвинцевой Татьяне Дмитриевне с благодарностью за нужное, благородное дело — краеведение. Г. Казакевич. 17.09.89 г.».

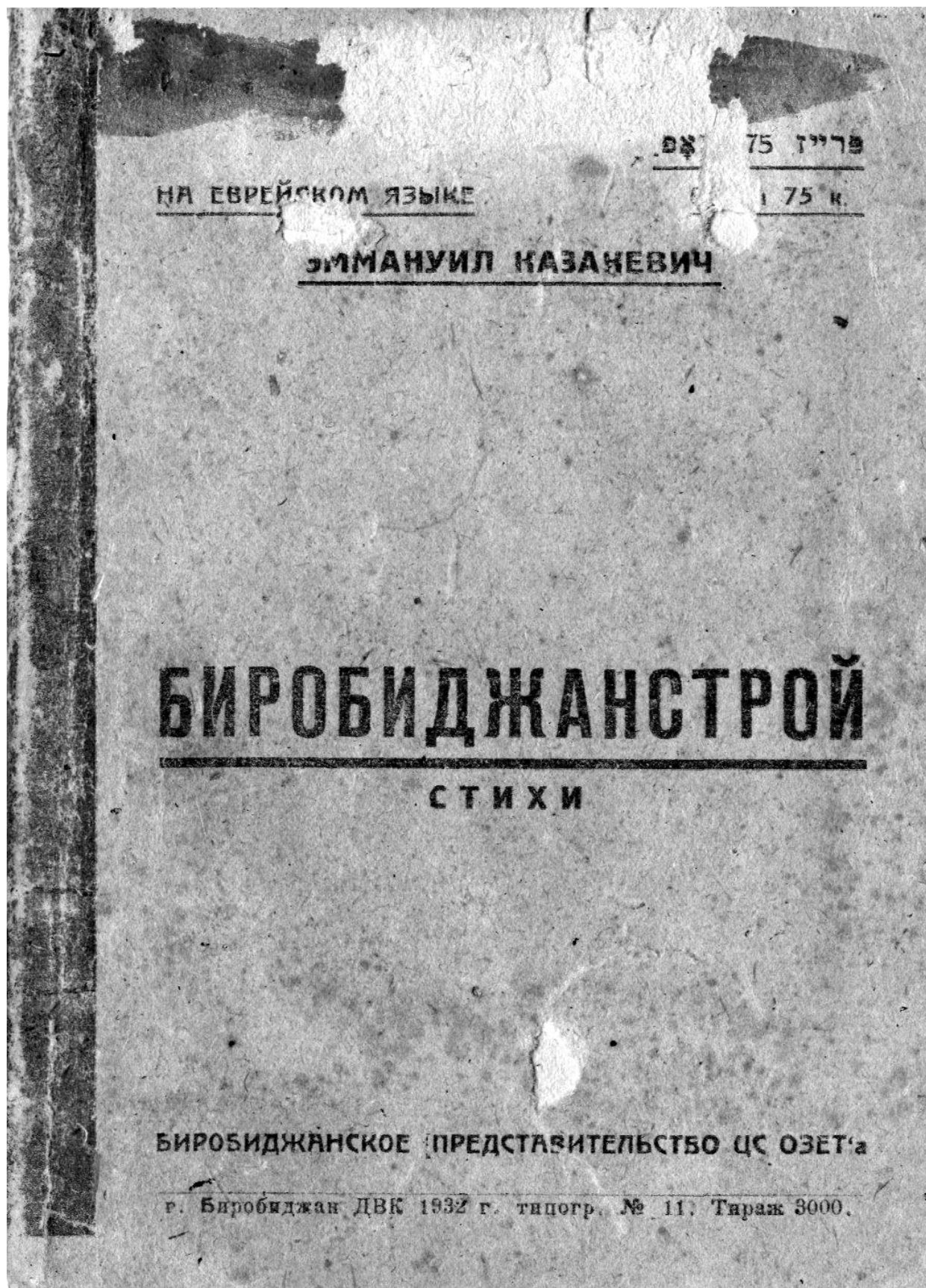
В экскурсиях для гостей нашего музея мы всегда говорим об Эммануиле Казакевиче, который оставил большой след в истории развития области и русской литературы XX века.

Список литературы

1. Архив отдела истории музея. Дело № 100 «ГОСЕТ».
2. Архив отдела истории музея. Дело № 179 «Писатели ЕАО».
3. Документы из личного фонда Казакевича в музее.

Э. Казакевич, «Биробиджанстрой» — обложка (идиш)

Э. Казакевич, «Биробиджанстрой» — обложка (русский язык)

איבערגעגעבן אין דרוקעריי 20/IX
אונטערגעשריבן צום דרוקן 8/X
רעדאקטער ה. קאזאקעוויטש.

Казакевич Э.
Биробиджанстрой

г. Биробиджан.
Дальполиграфтрест 11

דרוקעריי 1932
„דאלפאליגראפטרעסט“ נומ. 11.
שט. בירעבידזשאן

ראליט נומ. 34.

и ш. 93

Э. Казакевич, «Биробиджанстрой» — титульный лист (идиш и рукописные пометки библиографа на русском языке)

Э. Казакевич, «Дорога в Биробиджан» — титульный лист (идиш)

Людмила Скопенко, Алла Епифанцева

**ЭММАНИУЛ КАЗАКЕВИЧ: БИБЛИОГРАФИЯ
БИРОБИДЖАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА**

От составителей

В 2013 г. исполняется 100 лет Эммануилу Генриховичу Казакевичу (1913—1962) — известному российскому и еврейскому писателю, поэту, активному общественному и литературному деятелю, публицисту, литературному критику и переводчику. Этой дате посвящен рекомендательный список литературы «Эммануил Казакевич».

В список включены книги и статьи из периодических изданий, отражающие жизнь и творчество Э. Г. Казакевича. Список составлен на основе фондов читального зала и сектора национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема.

В фонде Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки творчество Э. Г. Казакевича представлено на языке идиш и русском языке.

Материал расположен по разделам «Произведения Э. Г. Казакевича на русском языке», «Произведения Э. Г. Казакевича на языке идиш» (библиографические описания раздела даны в переводе на русский язык), «Об Э. Г. Казакевиче: биография, творчество». Звёздочками отделены издания книг от изданий других форматов. Хронологические рамки представленных источников: 1932—2011 гг. В списке отражены шифры хранения как знак принадлежности источников к уникальному библиотечному фонду.

Произведения Э. Г. Казакевича на русском языке

84P7

К 14 Казакевич, Э. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Звезда; Двое в степи; Сердце друга: повести; Весна на Одере: роман : пер. с яз. идиш / Э. Г. Казакевич. — М. : Худож. лит., 1985. — 815 с.

84P7

К 14 Казакевич, Э. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2: Дом на площади : роман / Э. Г. Казакевич. — М. : Худож. лит., 1986. — 448 с.

84P7

К 14 Казакевич, Э. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Синяя тетрадь : повесть; Рассказы и очерки; Из дневников и записных книжек / Э. Г. Казакевич. — М. : Худож. лит., 1985. — 475 с.

P2

К 14 Казакевич, Э. Г. Весна на Одере: роман / Э. Г. Казакевич.[ил.: О. Коняшин]. — М. : Современник, 1975. — 430 с.

84(2Рос=Рус)6-4

К 14 Казакевич, Э. Г. Звезда : повести и рассказы / Э. Г. Казакевич. — М. : АСТ : ВЗОИ, 2004. — 479 с. — (Мировая классика).

P2

К 14 Казакевич, Э. Г. При свете дня : рассказ / Э. Г. Казакевич. — М. : Сов. Россия, 1961. — 71 с.

P2

К 14 Казакевич, Э. Г. Приезд отца в гости к сыну : рассказ / Э. Г. Казакевич. — М. : Сов. Россия, 1962. — 39 с.

P2

К 14 Казакевич, Э. Г. Приезд отца в гости к сыну : рассказ / Э. Г. Казакевич. — М. : Правда, 1963. — 31 с.

P2

К 14 Казакевич, Э. Г. Сердце друга : повести / Э. Г. Казакевич ; худож. Е. В. Кутилов. — М. : Воениздат, 1990. — 317 с.

84Р7-49

К 14 Казакевич, Э. Г. Слушая время : дневники, записные книжки, письма / Э. Г. Казакевич ; [вступ. слово Л. Гладковской]. — М. : Сов. писатель, 1990. — 525 с.

84Евр7я43

С 561 Казакевич, Э. Г. Весна : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Советская еврейская поэзия. — М., 1985. — С. 347.

84(2Рос-6Евр)6

Л 642 Казакевич, Э. Г. Весна на Одере : [отрывок из романа] / Э. Г. Казакевич // Литература Еврейской автономной области : хрестоматия : учебное пособие для учащ. 9—11 кл. — Биробиджан, 2005. — С. 21—27.

84Евр7я43

С 561 Казакевич, Э. Г. Земля, на которой я счастлив : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Советская еврейская поэзия. — М., 1985. — С. 346.

С52(к)

Н 12 Казакевич, Э. Г. Земля, на которой я счастлив; Начинается город : [стихи] / Э. Г. Казакевич // На берегах Биры и Биджана : публицистика, проза, поэзия : сборник. — Хабаровск, 1972. — С. 121—129.

84(2Рос-6Евр)

Б 646 Казакевич, Э. Г. Корейская новелла; Варианты переводов с идиш : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Биробиджан : литературный альманах. — Хабаровск, 2007. — С. 17-23.

Казакевич, Э. Г. Лесная девушка : [стихи, посвящ. биробидж. поэтессе Любе Вассерман] / Э. Г. Казакевич // Биробиджанер штерн. — 2007. — 6 дек. — С. 6.

Л 642 Казакевич, Э. Г. Мои песни : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Литературный путеводитель. Хабаровские писатели: судьба и творчество : библиография, проза, поэзия / под общ. ред. М. Ф. Асламова. — Хабаровск, 2004. — С. 235—236.

Л 642 Казакевич, Э. Г. Начало; За порогом я оставил...; Большой мир; Земля, на которой я счастлив / Э. Г. Казакевич // Литература Еврейской автономной области : хрестоматия : учебное пособие для учащ. 9-11 кл. — Биробиджан, 2005. — С. 13—21.

К 887 Казакевич, Э. Г. Начинается город; Тайга : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Кудиш Е. И. Славен в стихах и песнях Биробиджан : муз.-поэтич. сборник / худ. В. Цап. — Биробиджан, 1997. — С. 15—20.

Казакевич, Э. Г. Песенка о станции Тихонькой : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Биробиджанская звезда. — 2009. — 2 сент. — С. 6.

Казакевич, Э. Г. Приезд : [отрывок из поэмы «Начинается город»] / Э. Г. Казакевич // Биробиджанская звезда. — 1984. — 1 янв. — С. 1.

Казакевич, Э. Г. Цветы Бренты : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Биробиджанская звезда. — 2011. — 5 окт. — С. 6.

Произведения Э. Г. Казакевича на языке идиш

К 14 Казакевич, Э. Г. Биробиджанстрой / Э. Г. Казакевич. — Биробиджан : Дальполиграфтрест № 11, 1932. — 62 с.

К 14 Казакевич, Э. Г. Дорога в Биробиджан / Э. Г. Казакевич. — М. : Дер Эмес, 1940. — 26 с.

84(2Рос-6Евр)6-5

К 14 Казакевич, Э. Г. Зелёные тени / Э. Г. Казакевич. — М. : Дер Эмес, 1947. — 62 с.

84(2Рос-6Евр)6

Ф 798 Казакевич, Э. Г. Ли́ра : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Форпост. — 1938. — № 1(6). — С. 73.

84(2Рос-6Евр)6я4

Ф 798 Казакевич, Э. Г. Это рождается город : [стихи] / Э. Г. Казакевич // Форпост. — 1936. — № 3. — С. 95.

Р2

М 392 Маяковский, В. Избранные произведения / пер. Э. Г. Казакевич. — Харьков-Киев : Укргоснацмениздат, 1934. — 117 с. — (На евр. яз.)

Об Э. Г. Казакевиче: биография, творчество

8Р2

Б 865 Бочаров, А. Г. Слово о победителях (военная проза Э. Казакевича) / А. Г. Бочаров. — М. : Худож. лит., 1970 — 88 с.

8Р2

Б 865 Бочаров, А. Г. Эммануил Казакевич / А. Г. Бочаров. — М., Сов. Россия, 1967. — 115 с.

8Р2

В 774 Воспоминания о Эм. Казакевиче : сборник / [сост. Г. О. Казакевич, Б. С. Рубен]. — М. : Сов. писатель, 1984. — 464 с. : ил.

Сарашевская, Е. Настоящий был человек : [об Э. Казакевиче] / Е. Сарашевская // Биробиджанер штерн. — 2011. — 23 февр. — С. 3.

Антонов, В. Поэт с умом физика : [об Эммануиле Казакевиче] / В. Антонов // Биробиджанская звезда. — 2010. — 7 июля. — С. 6.

Мильчин, А. Все знали, что автором анекдотов был Эмка... : [из записок скульптора Абрама Мильчина о писателе Эммануиле Казакевиче] / А. Мильчин // Биробиджанер штерн. — 2010. — 11 авг. — С. 3.

78.34(2Рос55)751.2

В 387 Журавлева, О. П. Из истории создания поэтического сборника Э. Казакевича «Биробиджанстрой» / О. П. Журавлева // Вестник Дальневосточной государственной библиотеки. — 2009. — № 2 (апр.-июнь). — С. 105—110.

Котлерман, Б. Неизвестная знаменитость : [беседа с преп. кафедры идиша ут-та Бар-Илан (Израиль), д-ром философии, журналистом и литературоведом Борисом Котлермановым о писателе Эммануиле Казакевиче / беседовал В. Антонов] // Биробиджанская звезда. — 2008. — 25 сент. — С. 7.

Кизер, Б. Он обожал Биробиджан : [в ЕАО отметили 95-летие Эммануила Казакевича] / Б. Кизер // Биробиджанская звезда. — 2008. — 28 февр. — С. 2.

Чернявский, А. Эмка — разведчик : [о писателе Эммануиле Казакевиче] / А. Чернявский // Биробиджанер штерн. — 2005. — 24 февр. — С. 6.

Соломатов, В. «Он был, а не казался» : [к 85-летию Э. Казакевича] / В. Соломатов // Биробиджанская звезда. — 1998. — 24 февр. — С. 6.

Таким его знали в Биробиджане : [об Эммануиле Казакевиче] // Биробиджанская звезда. — 1996. — 22 окт. — С. 5.

Кудиш, Е. Дорога длиною в жизнь : [Эммануил Казакевич в Биробиджане] / Е. Кудиш // Биробиджанер штерн. — 1993. — 27 февр. — С. 14.

Кудиш, Е. Эммануил Казакевич — перевод с русского на идиш / Е. Кудиш // Биробиджанер штерн. — 1992. — 11 дек. — С. 6.

Школьник, Л. «Я сердце вовеки не холил в покое...» : [Э. Казакевич в Биробиджане] / Л. Школьник // Биробиджанская звезда. — 1989. — 23 июля. — С. 3.

Памяти писателя, воина: трудящиеся Еврейской автономной области отметили 75-летие со дня рождения писателя Э. Г. Казакевича // Тихоокеанская звезда. — 1988. — 27 февр. — С. 3.

Школьник, Л. «Без дерзости и боязни...» : [к 75-летию со дня рождения Э. Казакевича] / Л. Школьник // Биробиджанская звезда. — 1988. — 24 февр. — С. 3.

Кашевский, Ф. Командировка с Эммануилом Казакевичем : [воспоминания ветерана труда Ф. Кашевского о совместной поездке с Э. Казакевичем в с. Бабстово в 1930-е гг.] / Ф. Кашевский // Биробиджанская звезда. — 1988. — 8 янв. — С. 2.

Файнштейн, Д. Фронтовая дружба : [несколько страничек из биографии Э. Г. Казакевича] / Д. Файнштейн // Биробиджанская звезда. — 1985. — 7 апр. — С. 3.

Школьник, Л. «Становлюсь я похожим на эти края...» : [Э. Г. Казакевич в Биробиджане] / Л. Школьник // Биробиджанская звезда. — 1982. — 28 февр. — С. 3.

Богомоллова, В. Он был членом горкома : [Э. Казакевич в Биробиджан, 1931 г.] / В. Богомоллова // Биробиджанская звезда. — 1982. — 31 янв. — С. 2.

Школьник, Л. Земля, на которой я счастлив : [воспоминания о Э. Казакевича. На биробиджанской земле] / Л. Школьник // Молодой дальневосточник. — 1978. — 7 апр. — С. 3.

84(«рос-Рус»)6я43

Н 12 Фридман, Н. Память сердца : [странички воспоминаний о Э. Казакевиче в период его жизни в Биробиджане] / Н. Фридман // На берегах Биры и Биджана. — Хабаровск, 1972. — С. 280-285.

Бирюков, И. «Звезда» Эммануила Казакевича / И. Бирюков // Биробиджанская звезда. — 1948. — 13 июня. — С. 1.

Манфريد, Н. Поэзия высокого политического пафоса : [о творчестве Э. Казакевича] / Н. Манфريد // Биробиджанская звезда. — 1938. — С. 3.

Виктор Антонов

ПОЭТ С УМОМ ФИЗИКА*

Об Эммануиле Казакевиче-журналисте коллеги говорили: «Он собрал весь газетный мёд» (Григорий Свирский, книга «Герои расстрельных лет»).

В корректорской газеты «Биробиджанская звезда» на стене висит акварельный портрет молодого Эммануила Казакевича — в фуражке с красной звёздочкой, в гимнастёрке, в круглых «интеллигентских» очках. Портрету этому десятки лет. Когда-то с фотографии начала 1930-х годов его написал местный художник Владимир Мизгальский по просьбе известного в Еврейской автономной области журналиста Валерия Панмана, пришедшего в «Звезду» в послевоенные годы также едва ли не в военной шинели, начинавшего в газете литсотрудником и ставшего затем редактором областной газеты. Немало лет молодой Казакевич смотрел со стены на улысевшего Валерия Ильича, возвышаясь над головой его товарища и коллеги, поэта Виктора Соломатова сидевшего как раз под портретом. Этот портрет был в редакции своеобразным «ангелом-хранителем» мастерства, профессиональной зоркости, человеческой порядочности. Впрочем, почему «был»: он находится в том же кабинете и сейчас.

БЕЗ ПРОТЕКЦИЙ

Эммануила Казакевича как журналиста постоянно «делили» две старейших областных газеты — «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда». Его материалы в начале

* Впервые опубликовано в газете «Биробиджанская звезда» 7 июля 2010 года. Автором внесены изменения в первоначальный текст. — *Ред.*

30-х годов появлялись в обеих газетах, потому что некоторое время они были как «два в одном»: публикации из газеты на идише переводились на русский для «Звезды».

В еврейской газете главным редактором тогда был его отец Генрих (Генах) Казакевич — маститый журналист, редактор, публицист и критик. Устраивать детей близ себя тогда было не принято, и молодой Казакевич несколько лет публиковался в обеих областных газетах как внештатный автор, а работал то председателем колхоза «Валдгейм», то начальником строительства (он имел за плечами Харьковский машиностроительный техникум), то занимался агитацией за переезд молодёжи на Дальний Восток, то организацией еврейского театра...

Всё это, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к газетной работе, но ветераны журналистики помнят, что некогда действовало правило: в газету брать только людей с реальным производственным опытом. Можно хорошо владеть словом и формой, обладать нюхом на сенсации, но в материале надо ещё и разобраться, увидев плюсы, минусы, будущие проблемы. Для этого предмет рассмотрения хорошо бы знать изнутри. Эммануил Казакевич, как было сказано выше, изучил многие стороны жизни: руководил колхозом, побывал первым директором Государственного еврейского театра (БирГОСЕТа) в Биробиджане, «выбивал» штаты, кадры и даже улучшенное питание для своих актёров... Заметки и материалы «внештатников», конечно, всегда тщательно редактировались, но у Эммануила был «персональный» редактор — его отец. Сына литературным талантом Бог тоже не обидел, но в редакции «Биробиджанер штерн» в качестве штатного сотрудника он появился только в 1935 году. Никакой «семейственности», никакой протекции...¹

¹ Э. Казакевич, как известно, приехал в Биробиджан раньше своих родителей, и поэтому он мог не работать в газете на основной работе по причинам иного характера (не по причине отсутствия «протекции»): просто ему было интересно заниматься разными делами, связанными с организацией жизни. Это было вполне

НЕЯСНЫЙ ПОЧЕРК

Можно лишь предполагать, как бы развивался Казакевич-литератор, останься он надолго в журналистке (хотя и в областной газете он заведовал как раз литературной частью): через пару лет он уже был вынужден уехать из города на Бире и — одновременно — уйти из профессиональной журналистики.

«Партийные чистки» второй половины 30-х годов, перешедшие в широкие политические репрессии, коснулись практически всех его товарищей, давших ему рекомендацию на вступление в партию, руководства Еврейской автономной области, деятелей национальной культуры и журналистов. Казённый автомобиль-«воронок» готов был приехать и за Эммануилом, но, предупреждённый товарищами, он срочно выехал в командировку, из которой уже не вернулся в Биробиджан, обосновавшись перед Великой Отечественной войной в Москве.

Возможно, политическая реальность 30-х отразилась не только на его судьбе, в дальнейшем сложившейся в целом, можно сказать, благополучно, но и на нашей нынешней возможности изучить авторский почерк, творческие приёмы Казакевича-журналиста биробиджанского периода.

Очень странно, но ни в областной библиотеке, ни в госархиве ЕАО не сохранились выпуски областных газет ранее 1938 года. После этого года Казакевич в Биробиджане уже не жил и для местной прессы не писал. Даже в Российской национальной библиотеке в Петербурге из довоенных областных газет есть только номера «Биробиджанер штерн» не ранее 1933 года. Почему информационный провал и там — ещё один вопрос...

А ведь молодой Казакевич отнюдь не ограничивался публикациями в местной прессе, работая также для еврейских

в духе времени: молодёжная активность на любом «участке», который нравился или на который молодёжь «бросало» руководство. «Надо спешить жить» — эти слова автобиографического героя Н. А. Островского выразительно характеризуют деятельность молодого Казакевича в строящемся Биробиджане — *Ред.*

газет Аргентины, Канады, Польши, для которых также писал на идише.

Удалось найти несколько отрывков из зарисовок Эмманиула Казакевича в «Биробиджанер штерн» за 1932 год, включённых краеведом Ефимом Кудишем в 1995 году в первый выпуск альманаха «Литературное наследие ЕАО». Вот отрывок из номера «Биробиджанер штерн» за 12 февраля, где описывается заготовка леса еврейским переселенцами.

«Утром я иду с рабочими в лес.

Работа тяжёлая. Пилы скрипят весело и хвастливо. Мои непривычные руки скользят, когда дерево падает со стоном на землю, я вытираю пот, хотя сейчас 20 градусов мороза.

— Молодец, — говорит мне бригадир Гладун. И это лучший комплимент, который я до сих пор слышал когда-либо в свой адрес».

Черты репортажа здесь очевидны, авторский способ добычи материала — как из современной рубрики «Репортёр меняет профессию». Но художественность, образность изложения документального материала также несомненны. Автор этой газетной публикации — поэт. Этот союз публицистики и художественности ещё проявится в наиболее значимых произведениях Эммануила Казакевича.

А вот строки из аргентинской газеты «Дер поер» («Крестьянин») за ноябрь того же 1932 года, где был помещён репортаж «Люди стройки».

«На горизонте — сопка, покрытая лесом. Ниже течёт шумная, галдящая река Бира, а возле неё лежит город. Два года тому назад тут было около 200 домиков — сереньких сибирских домиков, построенных на один манер. Теперь растут дома — одноэтажные, двухэтажные, трёхэтажные. Они покрыты новой белой штукатуркой. Это лицо нового Биробиджана...»

Да простятся мне возвышенные слова, но вряд ли будет ошибкой сказать, что биробиджанская тема была магистральной в довоенном творчестве Эммануила Казакевича — и в поэзии, и

в драматургических опытах для БирГОСЕТа, и в журналистской деятельности. В последней она в наибольшей степени сконцентрирована в публицистических книгах «Биробиджан: общий обзор Еврейской автономной области» (1939), написанной совместно с Давидом Бергельсоном, и «Дэр вэг кейн Биребиджан» («Дорога в Биробиджан», 1940). Казакевич во время создания этих книг уже постоянно проживал в Москве, жил достаточно тяжело, без постоянной работы, кормясь на гонорары, которые, судя по всему, приносила прежде всего журналистская деятельность...

В очерке Юрия Безелянского «Печальная звезда Казакевича» есть такие строки: «У Казакевича всегда точно выверенные детали и отточенный афористический язык».

Так стали говорить о его произведениях после «Звезды», «Весны на Одере» и двух Сталинских премий. Но те же черты авторского стиля уже видны в газетных зарисовках и репортажах начала 30-х годов, документальных по материалу, художественных по языку. Он не выбрасывал из газетного труда литературы.

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛОВОМ

«С 1941 по 1946 писать не имел возможности», — сообщал в своей автобиографии Эммануил Генрихович. Действительно, за все годы войны, давшие ему богатейший фактический и человеческий материал, недавний плодовитый еврейский поэт и журналист, публиковавшийся и в СССР, и за рубежом, не написал ничего, кроме нескольких... строевых песен.

Вскоре после войны триумфально вышла в свет его повесть «Звезда», написанная по-русски. Прочитавший повесть И. Сталин (а он отслеживал книжные новинки) придумал сделать особый знак внимания автору произведения: его вызвали (вернее, доставили на специально посланном автомобиле) к сыну вождя Василию Сталину, который передал Казакевичу, что его отец книжку прочёл, остался доволен и

теперь вот «папа велел кланяться». Эммануил Генрихович как раз страдал простудой, у него держалась высокая температура, но после этого ошеломительного визита температура у него начала падать прямо в машине, по дороге домой...

Воистину, исцелился сталинским словом!

Причём исцелился, возродившись в литературе как писатель. «На войну ушёл еврейский поэт, а вернулся с неё русский писатель, надежда русской литературы», — это слова Александра Твардовского, опубликовавшего в 1947 году «Звезду» в журнале «Знамя», который он редактировал.

Преподаватель Центра изучения идиша Бар-Иланского университета в Израиле Борис Котлерман характеризует этот период сложнее:

«На идише он (Казакевич) писал до 1941 года, пока не ушёл на фронт. Там, видимо, произошёл некий перелом, и он начал писать на русском, однако в начале 50-х годов, когда еврейская культура практически перестала находить какое-либо выражение в СССР, статьи Казакевича вдруг появляются в... польских газетах на идише. (Речь идёт о газете «Фолксштиме» — «Глас народа» и журнале «Идише шрифтен» — «Еврейские сочинения». — В. А.) Так что он до конца остался верен себе как еврейскому литератору».

В случае с Эммануилом Казакевичем личный творческий выбор между поэзией и прозой, между журналистикой и художественной литературой неожиданно «срифмовался» с выбором между идишем и русским языком. По этому поводу Эмиль Кардин (В. Кардин) писал: «Полагаю, Казакевич обладал бóльшим правом на свой судьбоносный шаг, нежели те, кто видел в нём нечто предосудительное. Что до меня, то, презирая национальных “перебежчиков”, в данном случае не замечаю ничего сходного с ренегатством» («Весна на Одере и осень на Москве-реке»).

Отступление от своих национальных корней и от собственной совести у Казакевича и в самом деле усмотреть

трудно: ведь это он в первые послевоенные годы вместе с Ильёй Эренбургом и Василием Гроссманом работал над созданием «Чёрной книги», составленной из материалов об уничтожении евреев на временно оккупированных немецкими фашистами территориях СССР...

АЛЬМАНАХ «ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА»

В 1940-х годах «надежда русской литературы» сделал заметный вклад в советскую радиожурналистику. Новая ветвь журналистики — очерк на радио — начала развиваться тогда, когда появились авторские передачи и профессиональные литераторы, писавшие специально для радио. Среди них — Илья Эренбург, Василий Гроссман, Константин Паустовский, Эммануил Казакевич. Все они были известными писателями и вместе с известными публицистами (Анатолием Аграновским, например) не гнушались работой над произведениями, «живущими один миг», пока идёт радиопередача.

Литературную стилистику радиоочерка определяют прежде всего особенности восприятия человеком текста на слух. Казакевич, как поэт, имел достаточный опыт публичного чтения вслух своих произведений, а реакцию слушателей в этих обстоятельствах мог наблюдать непосредственно. И потому отлично понимал, чем и как можно удержать внимание разнородной аудитории...

В середине 1950-х признанный мастер прозы Эммануил Казакевич, казалось, всерьёз и надолго вернулся к журналистике. Вернее, пришёл к журнальной работе. В 1956 году состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором Никита Сергеевич Хрущёв выступил с секретным докладом о культе личности Сталина и необходимости его преодоления. Доклад считался секретным, но аналогичные настроения у «думающего слоя» — интеллигенции — были уже явными. Казакевич отреагировал на них как настоящий журналист, в этот раз проявив себя в качестве главного редактора

литературно-публицистического альманаха «Литературная Москва». Его правой рукой была поэтесса Маргарита Алигер.

Первый номер альманаха оказался приурочен к XX съезду, и после его выхода Казакевич записал в своём дневнике: «Теперь правда — не просто достоинство порядочных людей; правда теперь — единственный врачеватель общественных язв... Правда и только правда — горькая, унижительная, любая...»

Писатель Александр Крон оставил интересные воспоминания о Казакевиче того периода. «Самое первое впечатление: типичный интеллектual. Скорее, физик, чем гуманитарий, один из тех, склонных к иронии и беспощадному анализу... Затем, при более близком знакомстве — поэт...»

Не помню, у кого из маститых журналистов «Комсомольской правды» прочёл в 90-х: «Хороший журналист может стать хорошим писателем. Отличный писатель журналистом — далеко не всегда». Пользуясь определением А. Крона, можно сказать, что «физик» и формирует в литераторе журналиста-публициста. Эммануилу Генриховичу эти качества были не чужды. Готовя первый номер своего альманаха, он проявил себя как организатор и требовательный редактор издания с нестандартной концепцией.

В 2004 году в статье «Весна на Оudere и осень на Москверекe» писатель и публицист В. Кардин вспоминал, как он сам принёс в альманах рукопись Казакевичу. (Очевидно, речь здесь идёт о «Заметках писателя», содержащих выпады против идеологической цензуры и опубликованных во втором выпуске альманаха².) Фрагмент из воспоминаний В. Кардина даёт некоторое представление о Казакевиче-редакторе.

«Ограничившись двумя-тремя хвалебными фразами, Казакевич сказал: “Надо посидеть над формулировочками... И мы засели, склонившись над текстом. Он, нависая надо мной со

² Судя по тексту самого Э. В. Кардина, его статья в альманах так и не вошла. См.: «К сожалению, наш подвижнический труд (авторская редактура с участием Э. Г. Казакевича. — *Ред.*), отнявший два дня, пошел коту под хвост» («Лехаим», июнь 2004, № 146). — *Ред.*

спины: “Чуть мягче... Ещё малость... Ещё...” Когда количество всевозможных “ещё” зашкаливало, наступала оперативная пауза. Хозяин включал проигрыватель. Его выбор пластинок меня вполне устраивал. Относясь к “консерваторам”, мы оба предпочитали классику. Впрочем, за обеденным столом на консерватора Казакевич не походил нисколько. Его лексика удерживалась на последней грани дозволенного, уже потеснённой двумя-тремя стопками».

На «последней грани дозволенного» оказалась и ситуация с «Литературной Москвой». Выпуск альманаха сразу же наделал шума. Один подбор авторов чего стоил.

Одним из вдохновителей этого сборника художественных произведений и публицистики был Константин Паустовский. Вместе с Маргаритой Алигер, Вениамином Кавериним, Владимиром Тендряковым, Владимиром Рудневым он вошёл в редколлегию. Среди авторов альманаха были Владимир Дудинцев, Александр Яшин, Сергей Антонов, Самуил Маршак, Илья Эренбург, Александр Бек, Сергей Залыгин, «неудобная» Лидия Чуковская, один из будущих знаменитых «шестидесятников» Роберт Рождественский, долго не публиковавшийся Юрий Олеша, «не печатный» после лагеря Николай Заболоцкий, ещё опальная Анна Ахматова...

Самые известные писательские имена на десятилетия вперёд!

Вот стихи Твардовского «Друг детства» — глава из поэмы «За далью даль», в которой автор знаменитого «Василия Тёркина» шагнул навстречу тем, кого не успели добить в лагерях и тюрьмах.

*Легка ты, мудрость, на помине,
Лес рубят, щепки, мол, летят...
Но за удел такой доньне
Не предусмотрено наград.
А жаль... Вот, собственно, и повесть,
И немудрен ее сюжет.*

*Стояли наш и встречный поезд
В тайге на станции Тайшет.*

Цитата из Сталина насчёт срубленного леса и летящих щепок — людских судеб и жизней — всё ещё была рискованной. А упоминание Тайшета... Там отбывал срок в лагере «еврейский националист», биробиджанский товарищ Казакевича Борис Миллер (Бер Мейлер, редактор «Биробиджанер штерн» в 40-х годах), судебное постановление о прекращении преследования которого вышло только в сентябре 1956 года...

А ещё в альманахе было забито немало гвоздей в гроб недоброй эпохи. Чего стоила только статья Ильи Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой» — первая в СССР со времени гибели Цветаевой! В стихах Маргариты Алигер, по мнению тогдашних читателей, «ожилла правда о войне, которая после первых книг Эм. Казакевича и Василия Гроссмана словно умерла». О рассказе Александра Яшина ещё раньше высказался секретарь «Нового мира», куда автор принёс было рукопись: «Возьми его и сожги, либо положи в стол, запири на замок. А ключ спрячь подальше. Иначе 25 лет тебе обеспечено».

Но тот, кто сочтёт всё это лишь наивной интеллигентской реакцией на официальную политическую «оттепель», ох как будет неправ! XX съезд КПСС проходил в феврале 1956, а первый выпуск альманаха «Литературная Москва», датированный 1956 годом, готовился в печать задолго до этого и фактически увидел свет уже в декабре 1955 года. Ровно через год последовал второй «вольный» выпуск...

Явной мишенью соратников по изданию «Литературной Москвы» была ложь о «справедливости варварской эпохи» (строки из повести «Двое в степи» Эм. Казакевича³, также ошиканной официальной критикой). В ответ тоже «грохнуло». 27 июля 1956 года появилась записка Отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах развития современной советской

³ Ошибка: в повести «Двое в степи» таких слов нет. Фраза «справедливость варварской эпохи» отнесена к героям повести Казакевича, но принадлежит писателю Григорию Свирскому (книга «Герои расстрельных лет»). — Ред.

литературы», содержащая среди прочего критику авторов альманаха.

Цитируем. «В связи с обсуждением проблем, связанных с преодолением культа личности, среди писателей остро встал вопрос о методе советской литературы, о правде в литературе и искусстве. В последнее время, как реакция на лакировку действительности, сложилось у некоторых писателей и деятелей искусств стремление изображать, прежде всего, “горькую правду”, привлекать внимание к трудности и неустроенности быта, к тяжелым лишениям и к обидам невинно пострадавших. Подобные тенденции проявились, например, в выпущенном недавно сборнике «Литературная Москва», где ряд авторов рисует, прежде всего, теневые стороны нашей жизни, прибегая для этого подчас к нарочитым ситуациям (рассказы С. Антонова, стихи Рождественского и Алигер).

Подобное шараханье... ничего хорошего принести не может, а сам тезис о том, что писать правду — значит, прежде всего, изображать отрицательные и теневые стороны действительности, основан на... одностороннем, искаженном представлении, и также ведет к извращению социалистического реализма.

...Многие видные литературы, а также секретариат Союза писателей ставят вопрос о встрече с руководителями партии и правительства для беседы по актуальным вопросам развития советской литературы».

Альманаховцам указали на границы допустимого. Среди «чернящих» действительность были названы С. Антонов, Р. Рождественский, М. Алигер, С. Залыгин. Фамилии Казакевича в резолюции не было, но, прочитав, цитируемую в этой статье выше фразу из дневника писателя о том, что такое «теперь правда», закрадывается мысль, что дневник этот будто прочитал кто-то посторонний...

Встреча с руководителями партии и правительства тоже не заставила себя долго ждать. В мае 1957 года на встрече

руководства страны с писателями и художниками Н. С. Хрущев в обмене репликами с Маргаритой Алигер отчётливо выразил своё (точнее, подсказанное ему) отношение к авторам альманаха: «это бугорок маленький, его нужно сравнять». В этом же контексте Хрущевым был упомянут и Казакевич. Уже собранный третий номер альманаха был обречён.

В нескольких писательских мемуарах о Казакевиче авторы свидетельствуют, что разгром его детища-альманаха сыграл роковую роль в состоянии здоровья этого художника со строгим умом физика. В 1962 году Эммануил Генрихович скончался, не дожив до 50 лет. Но в конечном счёте своим талантом и порядочностью он сумел распорядиться как немногие на этой земле.

Виктор Антонов

ЕВРЕЙСКИЕ КОРНИ «КОРЕЙСКОЙ НОВЕЛЛЫ» ЭММАНУИЛА КАЗАКЕВИЧА

История эта уже подробно описывалась в № 2 альманаха «Биробиджан» за 2005 год, но для тех, кто с ней не знаком, вкратце повторим.

Летом 1933 года в Биробиджан приехал в командировку корреспондент приморской газеты «Тихоокеанский комсомолец» Семён Бытовой. В городе он познакомился с Эммануилом Казакевичем, в ту пору уже сложившимся поэтом, писавшим на идише замечательные, как утверждали собраты по перу, стихи. Бытовой посоветовал Казакевичу публиковаться на литературной странице «Тихоокеанского комсомольца», а перевод стихов с идиша предложил сделать сам.

Казакевич долго отказывался, так как считал себя поэтом труднопереводимым. (Отметим про себя это качество. К трудностям перевода поэтического языка Эм. Казакевича мы ещё вернёмся). Бытовой на это возразил, что имеет опыт перевода с корейского, который труднее идиша, и убедил-таки еврейского поэта дать ему свои стихи. И тогда Казакевич (известный мастер розыгрыша) предложил... «Корейскую новеллу» на идише, которую Бытовому предстояло перевести на русский. Внешним поводом для этого послужил отказ приморского гостя от предложения Казакевича «пройтись по сопкам и комарам» до корейского села Благословенного, находящегося на территории будущей еврейской автономии. Стихотворение было принято переводчиком и редакцией, но, разумеется, назвать это знакомством русского читателя с

еврейской поэзией было затруднительно. Однако произошло то, что произошло.

Как бы в продолжение шутки Казакевича «Корейская новелла» вышла 27 августа 1933 года в «Тихоокеанском комсомольце» рядом с новыми переводами Бытового из корейского поэта Цой Хо Рима (тогда писали «Цои Хорим») и информацией о создании секции советских корейских писателей, которую Цой Хо Рим должен был возглавить. Что и говорить, шутка удалась в полной мере. Сложнее обстояло дело с переводом стихотворения Казакевича на русский язык. Работа Бытового Эммануилу Казакевичу, тоже не чуждому переводческой деятельности (он переводил на идиш классических немецких авторов и стихи Маяковского), категорически не понравилась — он резко отозвался о ней. Гостя уже в начале 1970-х в Биробиджане у краеведа Ефима Кудиша, Семён Бытовой, как вспоминал Ефим Иосифович, говорил: «Какой же я был самонадеянный, взявшись наскоком переводить Казакевича».

Даже при беглом знакомстве с текстом бросаются в глаза небрежность и несоответствия в переводе Бытового: «Волос твой — вороньи перья...», «...А глаза — рубинов пара» и др. А такой сложный образ, как *«Наши губы — лебединые сердца»* (подстрочник Елены Сарашевской. — В. А.), вовсе оказался за гранью внимания переводчика, упростившего строку до «Губы... (не скажу теперь я)...» Наконец, Бытовой сломал чёткое построение стихотворения: в строфах Казакевич рифмовал вторую и четвёртую строки, «связывая» таким образом, четверостишие, а пятая и шестая строки представляли собой двустишие со смежной рифмой. У Бытового в четверостишиях — перекрестная рифма, а вторая половина произведения превратилась в череду двустиший, данных с разбивкой. Наконец, переводчик полностью проигнорировал корейскую фразу в стихотворении, хотя её перевод даётся в книге «Биробиджанбой».

Жаль, конечно, что мы не имеем возможности сверить известные ныне варианты переводов с подстрочником самого Эм. Казакевича.

Описывая любовь еврейского юноши к корейской девушке, Казакевич использует в «Корейской новелле» мотивы и образы древнееврейской поэзии, а именно Песни песней царя Соломона, прибавляя к ним романтику труда первых советских пятилеток. Причём создаёт довольно смелое, эротичное произведение, совсем не соответствующее, на первый взгляд, названию его первого поэтического сборника «Биребиджанбой» («Биробиджанстрой», 1932), в который «Новелла» была включена.

*Твои волосы — корона из перьев,
Твоя гитара — тысяча голосов,
Твои губы — лебединые сердца,
Твои глаза — кусочки алмазов...*

(Подстрочный перевод Елены Сарашевской)

Разве не чувствуется тут прямого родства с Песней песен царя Соломона? Сравните:

*Нимб над его головой, словно венец из червонного золота,
Локоны его волнистые черны, как вороново крыло. Глаза его
блестят, как у голубей, когда он гуляет у реки, они будто
молоком промыты; Глаза его — словно два бриллианта в
подобранной точно оправе* («Песня песней», комментированное издание, перевод р. Нохума-Зеэва Рапопорта и Бориса Камянова, Иерусалим — Москва: Институт изучения иудаизма в СНГ, 2000).

Влияние бессмертного библейского текста возможно и в такой интимной детали, как поцелуи влюблённых в «Корейской новелле». В Песне песней так описывается внешне простое соприкосновение губ: *«Пусть сольются в поцелуе наши уста...»* (перевод Рапопорта и Камянова)¹.

¹ В Синодальном переводе: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! <...> Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим». — *Ред.*

В использовании мотивов и образов Священного Писания в современных стихах Казакевич был не одинок. К Песне песней — великому лирико-эротическому произведению древней литературы — не раз обращались советские еврейские поэты Биро-Биджана², порой придавая аллюзии совершенно иной смысл.

*Мне так легко с тобой, привольно и светло,
Дыхание твоё — сочнее винограда,
Твой взгляд — как песня для меня, твоё тепло
Во мне — как вешний сок, животворящ и сладок!..*

(«Сыну» Л. Вассерман, перевод А. Гай)

Это поэтесса Люба Вассерман, также писавшая на идише и неоднократно использовавшая в своих стихотворениях образы песен царя Соломона почти цитатно. Сравните: *«недоступна ты, как райский сад, недоступна, как текущий под землёю источник, как влага в запёртом колодце»* (Песнь песней, перевод Рапопорта и Камянова)³. Но ведь у Любы Вассерман это автобиографическое стихотворение, описывающее чувства юной матери при кормлении грудью своего первенца! Она поступает смело, как настоящий советский поэт: меняя адресата, не обращая внимания на сакральность текста-предшественника. Но при этом она знает, что обращение к ребёнку-первенцу — это обращение, по еврейской традиции, к «начатку силы», напоминание о том, что Бог благословил израильских первенцев во время исхода из Египта. Люба Вассерман допускает прямое и аллегорическое толкование своих стихов, какое существует и в отношении «Песни Песней», и в этом она, несомненно, еврейский поэт!

² Автор статьи намеренно использует здесь и в нескольких случаях далее устаревшее историческое написание 1920—30-х годов: Биро-Биджан. Это написание тогда означало в первую очередь территорию автономии. — *Ред.*

³ В отличие от автора статьи мы не видим прямой переклички между процитированным фрагментом из «Песни песней» и стихотворением Л. Ш. Вассерман, что, разумеется не исключает возможности влияния библейского текста в этом случае. Например, «виноград» и дыхание, пахнущее плодами, входят в образность «Песни песней» и могли бы стать поводом для сравнения. — *Ред.*

Когда только родилась идея нового перевода «Корейской новеллы» Эм. Казакевича, автор этих строк проконсультировался об особенностях оригинального текста с наиболее авторитетным в начале 2000-х годов в Еврейской автономной области знатоком идиша и иврита, преподавателем отделения англо-идиш Биробиджанского государственного педагогического института (ныне Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема) Еленой Беляевой.

Е. Беляева сразу посоветовала будущим поэтам-переводчикам обратить внимание на творчество Любы Вассерман 1920—30-х годов. «Вы удивитесь, как она и другие биробиджанские еврейские поэты того же времени использовали образы древней еврейской поэзии для описания дальневосточной природы!».

Подтверждение этому можно найти и в других стихотворениях Вассерман. Например, «Моя река» — стихотворение о Бире:

*Она звенит, бурлит она
Напротив моего окна.
Загадочная, как века,
Струится горная река.
И дни, и ночи напролёт
Песнь песней мне она поёт.*

(Перевод Роальда Добровенского)

Вассерман передаёт свои ощущения от реки, на берегах которой искала счастья, однако всячески уходит от непосредственного описания природы, обычно свойственного пейзажной лирике русских авторов. Дальневосточную реку еврейская поэтесса воспринимает более на слух, а мысленно возвращается в Палестину, к Священному Писанию, к Песне песней!

Бира — новый Иордан? Но ведь в Биро-Биджан (тогда ещё не ЕАО) еврейская поэтесса Люба Вассерман прибыла как раз из Палестины! В Палестине ей не довелось тогда увидеть

рождения еврейской государственности, но пришлось испытать на себе, что такое британская колониальная тюрьма. Так что на берегах Биры у неё были все поводы благодарить судьбу за то, что первенец её родился на земле, где еврейский народ, как ей тогда могло показаться, вновь обрёл свою государственность, и библейский мотив стихотворения «Сыну» вовсе не был случайным.

А в небольшом стихотворении «Ландыш» автор просто игнорирует заявленную в названии тему, зато Песня песней здесь звучит в полный голос от первой до последней строки:

*...Ну, подойди ко мне, приласкай.
Нет, не за песни мои — Бог с ними!
Только за верность —
в аду и в раю...
Эта ладонь твои страхи снимет.
Эта — прогонит печаль твою.
Ласкай, целуй меня. И ничьи нас
Усмешки не смогут оскорбить.
Кто нам суд! Когда лоб в морщинах,
Разве грех друг друга любить?*

(Перевод Роальда Добровенского)

Все процитированные выше стихи Л. Вассерман были включены в её небольшую книжку, изданную в 1970 году. Это к вопросу, насколько биробиджанские советские поэты ощущали себя поэтами еврейскими...

«Корейская новелла» Эм. Казакевича — возможно, одно из наиболее еврейских произведений этого советского поэта, несмотря на ключевой для сборника «Биробиджанстрой» мотив «планов, пил и лопат».

А теперь, чтобы соотнести тему двух текстов, вспомним, что такое Песня песней. Это произведение рисует в восьми главах яркими картинками отношения между двумя любящими существами, из которых она лишь в нескольких стихах

называется по имени — Суламитой (т.е. мирной⁴), а *он* совсем не называется. Еврейские толкователи, выделив в *нём* самого Соломона — предполагаемого автора Песни песней, аллегорически истолковали отношения между мужчиной и женщиной в произведении как любовь между Господом и народом Израиля.

Иное толкование видит в Песни песней гимн подлинной любви и опять-таки вере, обязывающей к моногамному браку, — вере, которая в противоположность язычеству (допускающему многожёнство) чиста, самоотверженна и вмещает только одного или одну, и поэтому символизирует отношения между Богом и душою человека.

В этом смысле строка из Песни песней от имени Суламиты «Я одна — твоя столица!»⁵ как бы обещает иудеям, что не будет больше для них многих земель рассеяния — вот ваша земля, мирная, единственная на все времена, она породит ваших детей, продолжит род Израиля. В тоже время внимательный читатель, несомненно, помнит, что в первой песне не названная по имени возлюбленная еврейского царя — смугла и даже черна. Возможно, она — иноземка,

⁴ Гипотетическая этимология. Происхождение этого имени (Суламифь, Суламита, Шуламит) доподлинно не известно. Существует предположение о родстве «Суламифи» с «Соломоном» и ближневосточным топонимом «Сулем» (Сонам, Сунем, Солам), поддерживающее «мирное» значение имени. И. М. Дьяконов предлагает следующее чтение: девушка из селения Шулем/Сулем, чьи женщины славились своей красотой, из-за чего слово «суламитка» стало нарицательным и означало «красавица» («Поэзия и проза Древнего Востока», М., 1973) — *Ред.*

⁵ В. И. Антонов, скорее всего, имеет в виду следующие стихи из «Песни песней»: «Прекрасна ты, милая, как столица, хороша, как Иерусалим» (перевод И. М. Дьяконова). Известный востоковед И. М. Дьяконов (1915—1999), переводчик и комментатор «Песни песней», так объясняет предложенную им «столицу»: «Дословно: “Как Тирца”. Как мы полагаем, имеется в виду древняя столица северного Израильского царства» («Поэзия и проза Древнего Востока»). В Синодальном переводе: «Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим». В переводе Н.-З. Рапопорта и Б. И. Камянова: «Красива ты, подруга моя, как Тирца, прекрасна, как Иерусалим!» (эти переводчики связывают «Тирцу» с Шомроном — Самарией, тогда как распространённый исторический сюжет, восходящий к 3 книге Царств, говорит о переносе столицы из Тирцы в Самарию). — *Ред.*

иноплеменница. И она — любовь царя Израиля, обещающая ему свою верность!

«Корейская новелла» развивает, скорее всего, это — последнее — истолкование на фоне дальневосточного пейзажа. Смуглая кореянка (в Песне песней возлюбленная царя «черна») — символ Дальнего Востока, представительница новой земли, где евреям обещаны мир и покой. Любовь к ней — любовь к новой земле. Казакевич предрекает (пусть только намёком) рождение нового колена Израиля на новой земле!⁶

Ещё более прямо идею обретения на земле Биро-Биджана нового Израиля Казакевич выражает в единственной своей законченной оригинальной пьесе «Молоко и мёд» (1938).

«Автор совершенно откровенно вынес в название библейский образ: *“И сошёл Я спасти его из под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и огромную — страну, текущую молоком и мёдом”* (Исход, 3:8)» — пишет в книге «В поисках молока и мёда», посвящённой Биробиджанскому ГОСЕТу, израильский литературовед Борис Котлерман.

Пьеса завершается свадьбой дочери доярки и пчеловода (!), которую зовут Люба — Любовь! А союз она заключает с юным агрономом, владеющим силой плодородия земли, Яшей, Яковом, Иаковом-Израилем!

Эм. Казакевич был отлично услышан современниками и товарищами по творческому цеху. Тот же Борис Котлерман приводит свидетельство Моше (Моисея) Гольдбата, художественного руководителя БирГОСЕТа в 1937—1938 гг., говорившего об особом значении подтекста и второго плана в пьесе. А критик Наум Фридман писал в «Биробиджанер штерн»: «О ней, о юной еврейской автономной области... и рассказывает спектакль “Милх ун хоник”. Так его и воспринимает зритель» (из книги Б. Котлермана).

⁶ Ср. тот же мотив в поэме Казакевича «Шолом и Хава» (см. об этом в интервью с Б. Котлерманом в настоящем сборнике). — *Ред.*

Итак, связь «Корейской новеллы» и пьесы «Молоко и мёд» с идеей обретения на земле Биро-Биджана нового Израиля трудно поставить под сомнение!

* * *

Для обсуждаемого произведения Казакевич заимствовал и корейские символы, хотя и не так ярко выраженные, как мотив Песни песней. Например, строки *«За окном твоим печальным / Умирает солнце, такое красное!»* недостаточно толковать только как банальную картинку заката.

Лирический герой стихотворения находится в доме девушки, песню которой он не понимает, с которой не может говорить о своих чувствах. Оттого на его сердце «светлая тяжесть». Но красный цвет в Китае, Индии и Корее это ещё и цвет свадебного наряда невесты. А в 4-й и 5-й главах Песни песней, на ассоциациях с которой построена «Корейская новелла», возлюбленная лирического героя многократно называется «сестричкой» (по духу) и «невестой», встречи с которой совершаются тайно.

Поцелуй же (акт вполне невинный в европейской традиции) в традиции дальневосточных народов является актом на грани дозволенного, любовной тайной. Описывая, как *«спокойно, без претензий / Ты льёшь свои губы»* (подстрочный перевод Елены Сарашевской), Казакевич целомудренно, но очень точно описал ласку кореянки, идущей наперекор традиции. Наперекор запретам шла и героиня Песни песней, встречаясь со своим возлюбленным. Наперекор традициям шли Казакевич и подобные ему, приехав на Дальний Восток создавать «социалистическую по содержанию, национальную по форме» советскую еврейскую культуру. В этом небольшом стихотворении он попытался связать воедино — на уровне самых естественных и светлых человеческих чувств — Ближний и Дальний Восток, традицию и новую действительность.

Казакевич увлекался корейцами и дальневосточной экзотикой вообще, как вспоминали его друзья. Возможно, как

человек, любящий поэзию, Казакевич читал в переводах древних поэтов Дальнего Востока. Среди японских стихотворений-танка XII века, автором которых является Сайгё, мастер написания стихотворений с «двойным дном», находим такие строки:

*Лучи сочатся сквозь кровлю.
О, этот лунный свет!
Словно сердце моё он неволит: останься!*

*...Лишь буря шумела в окне,
Но умолк её голос.
О том, что сгущается ночь,
Поведал ропот воды.*

Остаётся открытым вопрос, кому конкретно посвятил «Корейскую новеллу» Эммануил Казакевич, которого любили многие женщины, который и сам был галантным кавалером?⁷ Загадочные буквы посвящения некой А. М. Г. (еврейские буквы алеф, мэм, гимл) в малотиражном биробиджанском издании 1932 года «Биробиджанбой» делают загадку ещё более романтической.

⁷ Действительно, в мемуарной литературе, посвящённой Казакевичу, встречается этот штрих. Иногда штрих приобретает по-приятельски грубоватые очертания. См.: «Перехватив его взгляд, брошенный на консьержку, я заподозрил: бабник. И не ошибся» (В. Кардин, «Весна на Одере и осень на Москве-реке»). — *Ред.*

Эммануил Казакевич

КОРЕЙСКАЯ НОВЕЛЛА

1932 год, 23 апреля, село Благословенное

От редактора

Мы публикуем здесь одно из ранних биробиджанских стихотворений Казакевича: его первоначальный облик на идише в книге «Биробиджанстрой» (Биробиджан, 1932), подстрочник и несколько поэтических переводов на русский язык. Кроме того, вслед за подборкой переводов публикуется стихотворение Семёна Бытового (Семён Михайлович Каган), созданное, как свидетельствует его зачин, под влиянием текста Казакевича. Все переводы, за исключением одного (поэтического перевода Бориса Котлермана), уже были опубликованы (в альманахе «Биробиджан», № 3, 2007). Чем обусловлен выбор именно этого текста Казакевича? В нём хорошо ощущаются свежесть первых впечатлений от Приамурья и попытка молодого поэта соединить экзотику этих *новеллистических* в буквальном смысле слова впечатлений с экспрессивными приёмами новой поэзии (в духе немецкого «Неопатетического кабаре» 1910-х годов, как нам показалось) с её «гогеновским» антуражем. Резкость, которой отмечены впечатления юности, и поэтическая молодость, которую нельзя скрыть, — как догоняющие друг друга капли утренней росы на коленчатом стебле бамбука (Басё). Итак.

קאַרעישע נאָוועלע

אָף די שטרויענע צינאווקעס
ליג איך ברייט מיט גלידער שטארע
און דו זיצסט און שווייגסט דערנעבן
און דו שפילסט אָף א גיטארע.
הינטער פענצטערלעך פארטרויטע
שטארבט די זון אזא מין רויטע.

עפעס אלץ איז אזוי בלויזלעך
אפן הארץ א העלע הרודע,
דו ביסט א קאַרעיש מיידל
איך בין שווייגנדיק ווי בודדע
און ס'איז מיר מאָדנער כידעש,
וואָס דו קאָנסט נישט ריידן יידיש.

ס'שמעקט מיט אזיע דיין זינגען,
אָפט - מיט יידיש ליכטלעך=בענטשן,
אָפט - מיט אוראלטגרויע שטיינער
אויסגעקריצט מיט האלבע מענטשן:
"אלהאזמיקא, טשהעניא וועדא
אבסימיד, דעבארום מנעדא..."

דיינע האָר ווי קראָען=פעדערס
דיין גיטארע טויזנט שטימענד
דיינע ליפן - שוואַנענהערצער.
דיינע אויגן - שטיקלעך דימענט -
הינטער פענצטער אזא כמורער
ליגט דער פעלדזנברעג אמורער.

אף די שטרויענע צינאווקעס
גיסט די זון א שיין א העלע,
ווי א שיינע ווי א צארטע
א קארעישע נאוועלע
אזוי רויק, אן א טיינע
ווי דו גיסט די ליפן דיינע.

מארגן וועסטו אין דיין שול גיין
לערנען קינדער קליין און קלענער
איך - אף לאנד אף גארע ברייטן
העלפן אויספילן די פלענער,
און ס'פארפליסט אין טעג אין שנעלע
די קארעישע נאוועלע.

אף די שטרויענע צינאווקעס
ווערט די שיין אלץ בלאס און בלאסער
און די זון א שרעקלעך=מידע
טרינקט זיך אין אמורער וואסער.

אפריל, 1932 בלאגאסלאווענע.

На соломенных циновках
Лежу я, широко раскинувшись,
А ты сидишь рядом и молчишь,
И ты играешь на гитаре.
За грустным (тёмным) окном
Умирает солнце, такое красное.

Всё такое голубоватое,
На сердце светлая тяжесть.
Ты — корейская девушка.
Я — молчу, как Будда.
И мне так странно,
Что ты не можешь говорить на идиш.

Пахнет твоей Азией поющей.
Часто — еврейским благословением на свечи,
Часто — древними серыми камнями,
На которых выбито <какими-то> получеловечками:
«Доброе утро, красивая девушка.
Я тебя <к сожалению> не понимаю».

Твои волосы, как корона из перьев,
Твоя гитара — тысяча голосов,
Твои губы — лебединые сердца,
Твои глаза — кусочки бриллиантов.
За окном, такой хмурый,
Лежит берег Амура.

На соломенные циновки
Льёт солнце яркий свет,
Как красивая, как нежная
Корейская новелла.
Так спокойно, без претензий,
Как ты льёшь свои губы.

Утром ты пойдёшь в свою школу
Учить маленьких детей.
Я — в широкие просторы
Помогать выполнять планы.
И протекает в быстрых днях
Корейская новелла.

На соломенных циновках
Становится свет всё тусклее,
И солнце, без меры уставшее,
Пьёт амурскую воду.

(подстрочный перевод Елены Сарашевской)

На соломенной циновке
Я раскинулся устало,
Ты сидишь напротив молча
И играешь на гитаре.
Ярко красным за оконцем
Умирает тихо солнце.

Как-то все тоскливо-серо
И на сердце тянет нудно,
Ты — корейская девчушка,
Я — в молчании, как Будда.
И меня ты удивляешь
Тем, что идиша не знаешь.

Пахнет Азией твой голос:
То молитвой над свечами,
То дремучим серым камнем,
Испещрённым письменами:
«Альхазмика, мшхеньо веда
Обсимид, дебарум мнеда...»

Волос твой — крыло воронье,
А гитара — многогласна.
Губы — как лебяжье сердце,
И в глазах — алмазов ясность.
За окошком вечер хмурый
И скалистый берег Амура.

На соломенной циновке
Льется солнце светом белым,
Утонченным и красивым,
Как корейская новелла;
Так спокойно, не переча,
Твои губы льнут навстречу.
Завтра ты помчишься в школу
Учить детей больших и малых.
Я отправлюсь на участки
Помогать справляться с планом.
И продолжим в буднях смелых
Мы корейскую новеллу.

На соломенной циновке
Свет расходится и тает,
И в амурских водах солнце
Утомленно исчезает.

(перевод Бориса Котлермана)

На соломенных циновках
Мнится мне, что стал я старым.
Ты, склонив свою головку,
Треплешь струны у гитары.
А в глазах твоих раскосых
Умирает солнце ало.

В этом мире лиловатом
У меня на сердце гряда.
Ты — корейская прохлада,
Я — твой молчаливый Будда.
Отчего же мне так странно,
Что тебе неведом идиш?

Твои песни пахнут Азией
И благословеньем млечным,
Что прошелестела бабушка
На рыдающие свечи,
Пахнут кремнем — древним трением
Убиенных поколений.

Твои волосы — корона
Из вороньих синих перьев,
О любви кричат гитара,
Глаз алмазы, губ доверье.
Но свивает ропот хмурый
За окном вода Амура.

Из соломенных циновок
Снова солнце точит стрелы:
Стрелы нежные, льняные,
Как корейская новелла.
Осторожно (аллилуйя)
С губ скатились поцелуи.

Утром чинно выйдешь в школу
Обучать сложенью деток,
Я шагну в свои просторы,
В планы первых пятилеток.
Отчего-то опустела
Вдруг корейская новелла...

Стонет время воспалённое,
На циновку не прильнув.
Жадно солнце утомлённое
Пьёт амурскую волну.

(перевод Риммы Лавочкиной)

На соломенной циновке
Я раскинулся усталый.
Рядом ты. Молчим неловко.
Говорит за нас гитара.
За окном твоим ненастным
Умирает солнце в красном.

Всё легко, воздушно, тонко.
А печаль моя — откуда?
И с корейскою девчонкой
Молчалив я, словно Будда.
Мне немного странно, видишь,
Что с тобой не нужен идиш.

Пахнет Азии напевом
И еврейским воском свечным,
Пахнет серым камнем древним,
В камне выбито навечно:
«С добрым утром, дорогая!
...Я тебя не понимаю...»

Волос твой — корона кедра,
В тыщу голосов гитара,
Губы сердце дарят щедро,
А глаза — брильянтов пару.
За окошком небо хмуро,
И темна вода Амура.

На широкие циновки
Новый день ступает смело.
Мне опять молчать — неловко,
Майн корэише новэлэ.
Мне спокойнее — не скрою —
Снова губы слить с тобою.

Утром ты уходишь в школу
Дважды два твердить ребятам,
Я — в широкие просторы
К планам, пилам и лопатам.
Мне с руки любое дело,
Майн корэише новэлэ!..

На циновках — вечер хмурый,
Месяц встал в окне на стражу.
Утомившись, из Амура
Утоляет солнце жажду.

(перевод Виктора Антонова)

И на циновках из соломы грубой
Я замер, широко открыв глаза.
Ты рядом, и твои не дрогнут губы,
Лишь говорит гитара за тебя.
За окнами печаль струится — солнце
В багрянце умирает до утра.

Зачем в вечерней просини так тяжело
На сердце неприкаянном моём?
Как Будда пред тобой, Цветок Кореи,
Грущу — на идиш нам не петъ вдвоём...

Вот ты запела — Азии истома
Благословила свечи Иудеи,
Как древний дух камней земного дома,

Как письма, которых нет мудрей.
«Тепла и радости тебе, младая дева,
Жаль, непонятна мне твоя новелла».

О! Локоны волос твоих — корона
Из перьев самых легкокрылых птиц!
О, плач твоей гитары говорливой!
Из тысячи он соткан голосов...
В дрожанье губ — неведомая нежность,
Что сердцу лебединому сродни,
В твоих глазах — сияние алмазов,
До сказок Азии — лишь руку протяни...
А за окном Амура берег хмурый
Не думая о нас, считает дни.
И утром на циновки из соломы
Прольётся солнца ясный нежный свет.
Как нежная корейская новелла,
Что так спокойно льётся с губ твоих.

Нас утром разлучат дела земные —
Пойдёшь ты в школу проводить урок,
Как хлеборобы все передовые
Я повезу зерно на сельский ток...
Так протекает в круговерти буден
Корейская новелла — ты и я.

Но это завтра. А пока — лишь вечер
За окнами луч света притушил,
Что падал на корейские циновки,
Водой амурской солнце напоил.

(перевод Виталия Бурика)

На соломенных циновках
Я сижу, от дня усталый.
Рядом ты со мной. И ловко

Ты играешь на гитаре.
За окном твоим покатым
Умирает свет заката.

Почему кругом так сине,
Что на сердце тяжесть грудой...
И с корейскою дивчиной
Молчалив я, точно Будда.

И немного странно всё же:
По-еврейски петь не можешь!

Я тебя не знаю разве...
(Ты на память так легка мне).
Это пенье пахнет Азией,
Как вон те большие камни.

Этот вечер так хорош,
Как узнать — о ком поёшь?

Волос твой — вороньи перья.
В тыщу голосов гитара,
Губы...(не скажу теперь я),
А глаза — рубинов пара.

Но опять течёт так хмуро
Под окном вода Амура.

На широкие циновки
Солнце светит так же смело,
И по-прежнему прекрасна
Та корейская новелла.

Мы на век её полюбим...
Подставляй скорее губы.

Завтра ты уходишь в школу,
Обучать детей весёлых.

Ну а мне уже пора
Выйти к стукам топора.

Значит, примется за дело
Та корейская новелла.

В этой комнате просторной
Были только мы одни...
Видишь, поздно. В волнах чёрных
Гаснут красные огни.

(перевод Семёна Бытового¹)

¹ Этот перевод был известен Э. Г. Казакевичу. См. об этом в материале В. И. Антонова «Еврейские корни “Корейской новеллы” Эммануила Казакевича». — *Ред.*

Семён Бытовой

ОЖИДАНИЕ

(Из корейских мотивов)

За окном твоим покатым
Умирает свет заката.
Расстели в углу циновки —
И войдёт ночная тишь...
Небе синее высоко,
Море жёлтое далёко,
И шумит полей маньчжурских
Удивительный камыш.
Пролетает голубь сизый,
Выйди, дай ему чумизы,
Распахни пред ним окошко —
Он принёс большую весть.
От Кореи до Де-Кастри
Мчал за ним японский ястреб,
Он следы его заметил
И к рассвету будет здесь.

Снова пишет Тэн Ю-чену
Из Кореи, Тэн Ю-чену,
Громко слёзы проливая,
Брат, товарищ иль сосед:
«Увези меня скорее
Из японской из Кореи,
Заблудилось моё горе —
Где ж дорога на Посьет?»
...Улетает голубь сизый,
Я несла ему чумизы,

Я звала его до фанзы,
Я окно открыла зря...
Наши весело рыбачат —
Видно, там была удача.
На Охотском побережье
Занимается заря.

Хабаровск, 1937

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виктор Иванович Антонов. Родился в 1968 г. в Биробиджане. Окончил Биробиджанское медицинское училище по специальности «фельдшер». В областной прессе публиковал стихи, рассказы, произведения для детей. Публиковался в сборнике «Славен в стихах и песнях Биробиджан», альманахе «Литературное наследие ЕАО», сборнике песен биробиджанского композитора Р. Васильева «Над тайгой заря занимается» (как автор песенных текстов), в журналах «Дальний Восток», «Родное Приамурье», «Литературные незнакомцы» (Москва), в альманахах «Биробиджан», «Первоцвет» (Иркутск), в «Антологии поэзии ЕАО». Работает в газете «Биробиджанская звезда» заместителем главного редактора.

Семён Бытовой (Семён Михайлович Каган, 1909—1985). Публицист, поэт, прозаик, переводчик. Родился в городе Жлобин (Белоруссия). В конце 1920 — начале 30-х гг. работал в Ленинграде как журналист. С 1933 г. жил на Дальнем Востоке, работал корреспондентом краевых газет. Также известен как переводчик с китайского и корейского языков. Автор ряда книг, тематически связанных с Дальним Востоком.

Алла Николаевна Епифанцева. Родилась в Советской Гавани. С 1966 г. живет в Биробиджане. В 1980 г. окончила филологический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Печаталась в областной периодической печати, в музыкально-поэтических сборниках «Славен в стихах и песнях Биробиджан», «Над тайгой заря занимается», в альманахе «Биробиджан», в «Антологии поэзии ЕАО». С 2005 г. возглавляет сектор национальной литературы областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема.

Лариса Эммануиловна Казакевич. Родилась в 1937 г. в Кременчуге. До 1938 г. жила в Биробиджане. Дочь Э. Г. Казакевича. В 1959 г. окончила факультет литературы и истории Московского педагогического института им. Ленина. Работала в журналах «Иностранная литература» и «Новый мир», издательствах «Наука» и «Советский писатель». В 1990 г. переехала в Израиль. В 1990-е — начале 2000-х гг. работала в русскоязычной газете «Вести». В настоящее время редактирует и корректирует научную и художественную литературу на русском языке.

Фёдор Максимович Кашевский. Родился в 1898 г. в Томской губернии (село Усменка). Член ВКП(б) с 1918 г. В 1928 г. направлен на работу в Биро-Биджанский переселенческий район Дальневосточным крайкомом партии. Был первым управляющим отделения Госбанка СССР в Еврейской автономии, заместителем председателя облисполкома ЕАО. В 1938 г. подвергся аресту по ст. 58 (уголовное дело прекращено за недоказанностью).

Бер (Борис) Михайлович Котлерман. Родился в 1971 г. в Иркутске в семье биробиджанцев. Учился в биробиджанской средней школе № 1, окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова и докторантуру университета Бар-Илан в Израиле, где преподает с 1998 г. на отделении еврейской литературы. С 2011 г. академический директор Центра идиша в Бар-Илане. Автор ряда монографий и десятков научных статей, а также рассказов на идише, которые публиковались в Израиле, США, Польше, Франции и переводились на русский, иврит, английский и немецкий языки.

Светлана Ивановна Скворцова. Родилась в Биробиджане. В 1994 г. окончила Биробиджанский государственный

педагогический институт. С 1997 г. по настоящее время работает в Биробиджане в областном краеведческом музее. Заведующая отделом истории Областного краеведческого музея Еврейской автономной области. Публиковалась в сборниках научно-практических конференций «Гродековские чтения» (Хабаровск), «Раддевские чтения» (Биробиджан), «Новиковские чтения» (Благовещенск).

Людмила Ивановна Скопенко. Родилась в поселке Кошевой Сахалинской области. В 1979 г. окончила библиотечный факультет Хабаровского института культуры. Продолжительное время возглавляла информационно-библиографический отдел областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема. С 2007 г. работает в должности главного библиографа.

Виктор Иванович Соломатов. Родился в 1937 г. в Хабаровске. Поэт и переводчик. Учился на филологическом факультете Хабаровского педагогического института. Работал в газете «Суворовский натиск», газетах Камчатки, Приморья, Нижнеамурья. С начала 1960-х гг. жил в Биробиджане, работал в газете «Биробиджанская звезда». Печатался в журналах «Дальний Восток», «Советский воин», «Сельская молодёжь», «Смена», «Пионер», «Прапор», в коллективных сборниках, автор четырёх книг стихов. Стихи Соломатова переведены на идиш, украинский, армянский, французский языки. Переводил на русский язык стихи Эм. Казакевича, И. Бронфмана, Л. Вассерман, Г. Шведика, Б. Миллера и других еврейских поэтов. Его переводы вошли в антологию «Советская еврейская поэзия». Член Союза писателей России. С 2002 г. живёт в Израиле, печатается в русскоязычных изданиях этой страны.

Шуламит Шалит. Родилась в Литве. После окончания Литературного института им. Горького (Москва) работала журналистом, редактором, переводчиком, была корреспон-

дентом по вопросам литературы, театра и кино в периодических изданиях Москвы, Вильнюса, Риги, Еревана. Занималась преподавательской работой, художественным и синхронным переводом. Переехала в Израиль в 1980 г. Окончила двухгодичные курсы библиотекарей. С 1987 г. заведующая отделом библиографии Центральной библиотеки города Рамат-Ган. С 1991 г. автор и ведущая популярной программы «Литературные страницы» радиостанции «Рэка». Литературоведческие исследования и эссе Шуламит Шалит опубликованы в русскоязычной прессе Израиля, России, США. Принимала активное участие в открытии в Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных (1996 г.). Её книга «С одним я народом скорблю...», посвящённая судьбе Цетлиных и опубликованная к открытию Музея, за короткий срок выдержала два издания и перепечатывалась в журналах и газетах на всех континентах. Является автором и редактором сборников «Евреи в культуре русского Зарубежья». Автор книг «На круги свои...» (2005), «Печать любви» (2012).

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

ПО СТРАНИЦАМ НЕЗАБЫТОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный редактор П.Н. Толстогузов
Технический редактор В.В. Николаева

Подписано в печать 13.02.2013
Формат издания 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 8,00. Уч.-изд. л. 4,37
Тираж 500 экз. Заказ № ____/2013

Издательство Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

Типография Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

ЭМ. КАЗАКЕВИЧ

**ПО СТРАНИЦАМ
НЕЗАБЫТОГО
НАСЛЕДИЯ**